

ГЕОРГИЙ БРЯНЦЕВ

КОНЕЦ "ОСИНОГО ГНЕЗДА"

Военные приключения

Георгий Брянцев

Конец «осинового гнезда»

«ВЕЧЕ»

1960

Брянцев Г. М.

Конец «осинового гнезда» / Г. М. Брянцев — «ВЕЧЕ»,
1960 — (Военные приключения)

1942 год. В прифронтовой полосе задержан вражеский парашютист. В ходе допроса выясняется, что он является немецким агентом, который должен восстановить связь с глубоко законспирированным шпионом. Узнают чекисты и о специальной школе подготовки шпионов — «осином гнезде». Руководство советской разведки начинает смертельно опасную операцию, направленную на разрушение планов гитлеровцев...

Содержание

Часть первая. «Осиное гнездо»	6
1. Связник Гауптмана Гюберта	6
2. Командировка	14
3. Саврасов разговаривает откровенно	18
4. Контроперация	24
5. Габиш, доктор, Вилли и другие	28
6. Семен Криворученко	31
7. «Ахтунг, Панцер!»	34
8. Человек со шрамом на лбу	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Георгий Брянцев

Конец «осинового гнезда»

©Брянцев Г.М., 2013

©ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая. «Осиное гнездо»

1. Связник Гауптмана Гюберта

Телефонный звонок дошел наконец до моего сознания. Я вскочил и подбежал к аппарату. В окне уже брезжил рассвет. Вызывал к себе подполковник Фирсанов. Хотя за год войны пора было привыкнуть ко всяким неожиданностям, я все же встревожился – фронт проходил недалеко, всего в полусотне километров отсюда. С вечера, когда я отправлялся на квартиру, никаких непредвиденных заданий для меня в штабе партизанского движения как будто не намечалось. Наоборот, мне приказали сутки не появляться в штабе, пока не закончу обработку материалов, которые собрал во время своей недавней ходки в тыл противника. И вот – неурочный звонок...

Спал недолго – всего часа два: ночи нашего прифронтового городка были тревожными, его бомбила вражеская авиация, и лишь незадолго до рассвета наступала тишина.

Наскоро умывшись и одевшись, я рассовал по карманам папиросы, фонарик, складной нож – все, что при любых обстоятельствах должно было быть при мне, – затянул ремень с полевой сумкой и пистолетом и выскочил из дому. Светало. Теплели краски неба. Зеленоватая полоска на востоке быстро розовела. Рассветный ветерок пахнул в лицо прохладой, росистой свежестью и донес из соседнего садика волнуемый запах влажной мяты. Листья тонкой березки у моего окна будто умылись росой – были совсем мокрые.

С холма, на котором стоял дом, виден городской парк, окутанный туманной дымкой. Река тоже курилась туманом, и в нем неясно вырисовывались металлические формы железно-дорожного моста.

Я вышел из палисадника, прикрыл за собой калитку и зашагал вниз по травянистой узенькой улице, между двумя рядами бревенчатых домиков с резными наличниками окон и крылец. Через две-три минуты я уже был на мощеной «главной» улице.

Городок просыпался рано. Немилосердно грохоча по булыжной мостовой, промчалась трехтонка. В ее обшарпанном кузове, держась друг за друга, стояли люди с кирками и лопатами. На перекрестке расхаживал солдат-регулировщик с автоматом. С северной окраины, где размещались ремонтные мастерские фронта, доносился тяжелый гул танковых моторов, а с восточной, с аэродрома, – звенящий рокот самолетов.

На улице виднелись следы ночной бомбежки: чернели воронки, пахнущие гарью и свежей землей, – вечером их не было. Тротуар в одном месте завалило грудой кирпича. У водоразборной колонки из-под земли фонтаном била вода. Вокруг лужи, деловито чирикающая, копошились неугомонные воробьи. Едкий дымок горелой краски щекотал нос.

Я торопливо обошел трансформаторную будку, превращенную бомбой в грудку мусора, из которой торчали обрывки проводов, сваленный взрывной волной серебристый тополь, и выбрался на тенистую окраинную улицу, обрамленную двумя рядами старых лип.

Вот и аккуратный, обшитый тесом зеленый дом штаба. Его окна украшают кружевные, богатой резьбы наличники, а верх венчает легкая шатровая башенка с флюгером. Буйная, густая трава скрывает обитый досками фундамент.

Знакомый часовой у калитки с подчеркнутой молодцеватостью приветствовал меня и пропустил во двор. Я вбежал на крашенные деревянные ступеньки крылечка, прошел застекленную веранду по дорожке из небеленого холста и, перешагнув порог комнаты, увидел подполковника Фирсанова.

Подполковник стоял у окна, дымя папиросой. Видимо, он не спал в эту ночь. Лицо у него было усталое, веки припухли и покраснели.

– Майор Стожаров по вашему вызову явился! – доложил я.

Подполковник хмуро сказал:

– Поедете в Красные Кочки. Там поймали парашютиста. С вами будет офицер из разведотдела армии. Надо допросить пойманного. Если это гитлеровский солдат-десантник, передайте его армейцам, а если агент-разведчик, везите сюда.

– Слушаюсь, – сказал я. – Разрешите выполнять?

«Эмка» мчалась по разбитому большаку в клубах пыли. Прыгая по рытвинам и ухабам, она обгоняла санитарные машины, автофургоны, повозки, грузовики и жалась к обочине, уступая дорогу автоколоннам, идущим к фронту. Над большаком висело тугое, душное облако пыли: пыль тянулась за каждой встречной машиной, пыль, несмотря на поднятые стекла, забивалась внутрь.

Рядом с шофером дремал, привалившись к дверце, майор Коваленко из разведотдела армии. Это был пожилой человек, старый чекист, пенсионер, с начала войны снова вставший в строй. А я спать уже не мог.

Почти неделя прошла с тех пор, как мы с Семеном Криворученко вернулись на Большую землю, в этот прифронтовой городок, но я все еще не сжился с мыслью, что нахожусь «дома». Все пережитое и виденное продолжало мучительно тревожить. В тылу врага, когда мы отдыхали где-нибудь в лесной глухомани, Семен иногда говаривал с грустью:

«Как-то сейчас там, дома?» И мы молча думали о «доме», вкладывая в это понятие все – и наш штаб, и армию, и Москву, и далекие тыловые города, где остались наши близкие: у Семена мать, у меня моя Маша и маленькая Танюшка.

И сейчас в машине, ощущая во рту соленый вкус пыли, я думал о жене, дочке и вообще о детях, встреченных мною на дорогах войны.

Мне припомнилась одна такая встреча. Это было ранней весной в тылу противника. Снег, рыхлый, ноздреватый, залежался только в лесу.

Вдали мы увидели сожженную деревушку. На опушке сиротливо стоял единственный уцелевший дом – старенький, весь поросший мхом.

У порога нас встретила тощая, с выпирающими ребрами, старая собака. Она поднялась с нагретой солнцем земли, уступила нам дорогу и тоскливо поглядела на нас. В доме мы увидели маленькую девочку. Это было до того неожиданно, что мы застыли, глядя на нее во все глаза.

Она сидела на широкой, толстой деревянной скамье и крохотными чумазыми руками перебирала сорное зерно. Поверх грязного ситцевого платя на ней была чья-то большая суконная куртка, над полом свисали голые ножки. Спутанные волосы, давно забывшие о гребешке, падали на плечи.

Она нас не испугалась. Даже не удивилась, а только внимательно и пристально разглядывала.

После долгого молчания я сказал:

– Здравствуй, девочка!

– Здравствуй, – тихо ответила она и потупила взор.

– Где твоя мамка? – спросил Криворученко.

– Мамки у меня немає... – еще тише ответила девочка. – И сестры немає... Немцы побили.

Начальник штаба партизанского отряда Василий Чухнов шумно вздохнул и спросил.

– С кем же ты живешь?

– С тетей Варей.

– А где ж она?

– Пишла за хлебом, за ричку.

- И ты совсем одна?
- Никого немає.
- А в деревне еще кто есть?
- Ни.
- А давно ушла тетя Варя?
- Четыре дни.
- И ты не боишься одна?

– Боюсь, – призналась девочка. – У ночи Каштан шибко вое. – Она проворно спрыгнула со скамьи, взрослым движением оправила на себе неуклюжую куртку и, подойдя к порогу, звонко крикнула: – Каштан!

На зов явился уже знакомый нам худущий пес и уставился на маленькую хозяйку грустными глазами. Запустив ручонку в свалявшуюся рыжую шерсть пса, девочка представила его нам:

- Це Каштан.
- А как тебя зовут, дочка? – поинтересовался я.
- Катю.
- Сколько ж тебе лет?
- Шість.
- Вы и раньше жили здесь?

– Ни, в Полтави. Тату був машинистом, а мама працювала в дитсаду. Нас пид Брянском разбомбили, и тату тамось убило. Мы не знайшли его... – Катя сделала паузу, сдвинула белесые брови и сказала: – Пидемте, дяденька, я вам покажу могилку мамі.

Мы переглянулись и молча последовали за ней. Катя, шлепая босыми пятками по холодной земле, провела нас к маленькому холмику недалеко от дома.

– Тут мы с теткой Варей сховали маму и Таню, – проговорила она и тихо, беззвучно заплакала, вытирая грязным кулачком градом катившиеся слезы.

У нас троих тоже что-то подкатило к горлу. Василий Чухнов подхватил Катю на руки и стал неумело, прокуренным басом, успокаивать ее. Мы вернулись в дом.

- Что же ты кушаешь? – спросил Семен.
- Хлеб...

– Ну, угощай и нас, – шутливо сказал Чухнов, опуская Катю на скамейку.

Она стеснительно улыбнулась:

– Мало у мени... – но все же, спрыгнув со скамьи, подошла к полке, поднялась на носки, взяла кусочек черной сухой лепешки, напоминающей изношенную подошву, и подала Чухнову.

– Вот спасибо! – поблагодарил Чухнов, глотнул от волнения воздух, сунул лепешку в карман и спросил: – Как фамилия тети Вари?

Катя задумалась и не сразу ответила:

– Грунь...

Мы переглянулись. Все стало ясно: Варвара Грунь два дня назад по заданию отряда отправилась в разведку, и эсэсовцы схватили ее на железнодорожном разъезде.

– Вот что, Катюша, – заговорил Чухнов. – Пойдешь с нами в партизанский отряд?

Она не колебалась:

- Пиду. А як же с тетей Варей?
- Она знает к нам дорогу, придет.
- А Каштан?
- Каштана заберем с собой.
- Пиду! – твердо сказала девочка.

– А фашистов, которые загубили твоих папку, мамку, сестренку, мы непременно накажем. Всех перебьем, – скрипнув зубами, пообещал Чухнов, снова беря Катю на руки.

– А в Полтаву зверне меня? – недоверчиво спросила она.

– Обязательно!

...Мы шли глухим лесом. Чухнов посадил Катю на плечо. Она ему что-то рассказывала. Сзади, опустив голову, плелся обессиленный Каштан.

На этом мои воспоминания прервались. Мы приехали в Красные Кочки. Машина остановилась у правления колхоза.

Майор Коваленко проснулся и тяжело полез из машины. Через прохладные сени, где стоял полумрак, мы прошли в большую, светлую комнату с бревенчатыми стенами.

Нас встретила председатель колхоза Ульяна Семеновна, пожилая, крепко сбитая женщина с полным простодушным лицом и совсем молодыми глазами.

Все убранство комнаты составляли большой, покрытый красным сукном стол, несколько табуреток, деревенской работы крепкий шкаф и развешанные по стенам сельскохозяйственные плакаты.

Осведомившись, не голодны ли мы, и распорядившись, несмотря на наши протесты, насчет чайку, Ульяна Семеновна принялась рассказывать подробности ночного происшествия. Рассказ ее был короток.

Ночью, в половине первого, к ней в избу прибежал дед Ефим, караульщик колхозных коровников, и сообщил, что пролетевший самолет что-то сбросил над коровниками и что сброшенный предмет висит на старой сосне. Ульяна Семеновна живо подняла людей, приказала деду Ефиму не шуметь и побежала с народом к ферме. Действительно, на высокой сосне неподвижно висело что-то темное. Стали кричать – никто не отзывается. Тогда один шустрый паренек, Мишка, вскарабкался на сосну, пригляделся и закричал сверху, что, мол, на суку висит человек.

Народ, понятно, ахнул. Снова стали окликать – и снова ответа не последовало.

Ульяна Семеновна послала в деревню за рыболовной сетью. Когда сеть принесли, на дворе уже рассвело, и все увидели, что в самом деле, запутавшись в парашютных стропах, вниз головой висит человек. Сеть растянули под сосной, затем тот же Мишка снова забрался на дерево и подрезал стропы. Человек упал в сеть. Он был жив, но без сознания.

Колхозники обыскали его и пришли к выводу, что это чужой человек, не наш, не советский. Чужака накрепко связали, заперли в амбарушке и приставили караульщиками деда Ефима и Мишку.

– Покажите-ка нам, уважаемая Ульяна Семеновна, что нашли на нем, на этом висельнике, – попросил майор Коваленко.

Ульяна Семеновна открыла толстые визгливые дверцы шкафа и вынула сверток. В свертке оказались: пистолет «Вальтер» с запасной обоймой, пятьдесят пять тысяч рублей советских денег, расческа в пластмассовом футляре, коробок спичек «Малютка», металлический портсигар, набитый махоркой, и начатая пачка «Беломорканала». Кроме того, в свертке были паспорт, служебное удостоверение, профсоюзный билет и две справки, отпечатанные на пишущей машинке. Одна удостоверяла, что владелец ее, Брызгалов Спиридон Кузьмич, освобожден от военной службы ввиду болезни – грыжи. Справка была выдана Смоленским горвоенкоматом. В другой бумажке значилось, что гражданин Брызгалов является агентом отдела снабжения Старопокровского ремонтно-механического завода и направляется на один из уральских заводов в служебную командировку сроком на двадцать пять дней по делам, связанным с выполнением срочного заказа оборонного значения.

Майор Коваленко попросил привести задержанного. Ульяна Семеновна вышла в сенцы.

– Посмотрим, каков этот залетный гусь, – сказал Коваленко. – Только бы он не отдал богу душу. Целую ночь вниз головой провисел...

Опасения оказались напрасными. Скоро дед Ефим, вооруженный охотничьей двустволкой, и Мишка ввели в дом человека со связанными руками. Майор отпустил конвоиров, и мы остались с глазу на глаз с ночным гостем.

Это был долговязый белесый человек с голубоватыми неподвижными глазами. Ему можно было дать и двадцать пять, и тридцать, и сорок лет.

Невыразительная помятая физиономия, тонкая шея, костлявая фигура, выпирающие на спине лопатки – в общем, не красавец. На нем были синий поношенный шевиотовый костюм, полосатая сорочка с помятым галстуком, желтые полуботинки. На плечи его был накинут дешевый рыжий плащ.

Встретишь такого на улице – пройдешь мимо, не обратив на него никакого внимания.

Майор Коваленко развязал ему руки и приказал сесть. Парашютист опустился на табуретку и устался в пол.

Майор спросил тихим, безразличным голосом:

– Фамилия?

– Моя? – парашютист дернулся, но тут же, не поднимая глаз от пола, заученно-быстро ответил: – Брызгалов, Спиридон Кузьмич Брызгалов. Раненбургский район, Рязанская область, одна тысяча девятьсот пятого года рождения.

– Если врете, потом раскаетесь, – предупредил майор. – Всякая, даже малейшая ложь обернется против вас.

Брызгалов поглядел на нас, снова устался в пол и стал покусывать ногти.

Я внимательно смотрел на него и решил, что этот субъект не из храбрых. Это было написано на его вялом, тусклом лице. Да и взгляд...

В бледных голубых глазах Брызгалова за внешним тупым безразличием я угадал страх, неодолимый страх, свойственный большинству предателей.

Этот заговорит начистоту.

– Фамилия? – все так же тихо повторил Коваленко.

Парашютист молчал. Правой рукой он нервно водил по подбородку.

– Думайте побыстрее, чтобы не жалеть после, что долго думали, сказал Коваленко.

Но парашютист по-прежнему молчал, безразлично глядя под ноги майора. Видимо, он решал, какой тактики ему надо держаться.

– Ну?... – напомнил Коваленко. – Назовите вашу настоящую фамилию.

Брызгалов судорожно вздохнул, помял кадык и с усилием произнес:

– Ладно. Я скажу правду...

Оказалось, что Брызгалов – это его последняя фамилия. За свою жизнь он сменил их так много, что затрудняется вспомнить и назвать все. Он был вором-рецидивистом, много раз подвергался аресту, три раза судился и отбыл в общей сложности шесть лет наказания. Бежал из места заключения. В последнее время был участником крупной банды железнодорожных грабителей и связанных с ними спекулянтов. На товарных станциях и в пути следования вскрывали запломбированные вагоны и расхищали грузы. «Были крупные дела, – не без гордости сообщил он. – В Минске два вагона обуви и мануфактуры вывезли...» В сорок первом году ограбил и убил железнодорожного кассира-артельщика. Поймали.

Приговорили к высшей мере – расстрелу. Это произошло 18 июня в Бресте, за четыре дня до начала войны. Брызгалов подал ходатайство о помиловании. Началась война.

Брызгалова в арестантском вагоне отправили на восток. Под Минском поезд попал под бомбы, вагон разнесло в щепы. Из заключенных уцелели немногие, в том числе и Брызгалов. Пользуясь ночной темнотой и паникой, он бежал, укрылся в какой-то деревне и дождался прихода гитлеровцев. Он явился к германскому офицеру – командиру танковой части, рассказал о себе и предложил свои услуги. Тот направил его в какой-то штаб. Гитлеровцы хорошенько допросили его, направили на подготовку и теперь, через год, выбросили с парашютом на совет-

скую территорию с заданием собирать разведывательные данные в прифронтовой полосе. Приказано ему осесть в районном городке Бутове и ждать агента-посыльного.

– И все? – не скрывая усмешки, спросил Коваленко.

Фашисты иногда практиковали заброску парашютистов на нашу территорию с подобными заданиями, и изложенная Брызгаловым версия звучала более или менее правдоподобно. Скорее – менее...

– Зачем же вас выбросили так далеко от фронта? – спросил я. – Да еще в гражданской одежде? И с командировочным направлением на Урал.

Брызгалов неопределенно пожал плечами:

– Ошиблись, видать.

– Вы прыгнули, когда бомбили город?

– Да.

– А какие дела вас ожидали на Урале? – поинтересовался Коваленко.

Брызгалов оскалил в усмешке большие желтоватые зубы:

– Я туда и не собирался. Удостоверение это так, для отвода глаз, на всякий случай.

– А пятьдесят пять тысяч?

– Ну, это на расходы.

– Так много?

– Наших денег они не жалеют.

– Та-ак... – протянул Коваленко и вдруг резко скомандовал: – Раздевайтесь!

В глазах предателя мелькнул страх. Он покачнулся, как от удара, и дрожащим голосом переспросил:

– Раздеваться? Сейчас?

– Сейчас и поживее! – приказал Коваленко.

Он встал из-за стола и направился к Брызгалову. Предатель вскочил на ноги. Табуретка упала.

Несколько секунд Брызгалов и майор пристально глядели друг другу в глаза. Затем Брызгалов медленно стянул с себя пиджак. Коваленко, глядя в лицо предателя, передал пиджак мне.

– Дальше... – сказал он.

– Совсем... раздеваться? – спросил Брызгалов.

– Да, – ответил Коваленко. – Догола.

Предатель расшнуровал ботинки, разулся, снял одежду и сел, обхватив бледными руками голые плечи.

Я занялся обследованием пиджака: осмотрел карманы, в которых ничего уже не было, и принялся прощупывать подкладку.

Тогда Брызгалов вдруг скороговоркой выпалил:

– Я все скажу, граждане начальники. Все, все! Один черт! Запутался...

– А мы и не сомневались, что вы все скажете, – очень спокойно отозвался Коваленко, осматривая брюки. – Куда же вам деваться?

– Правильно, гражданин майор! – подобострастно подтвердил Брызгалов. – Все, все скажу.

Вооружившись перочинным ножом, я вспорол борт пиджака и извлек из-под подкладки кусочек жестковатой бумаги, обернутый лоскутком бязи.

– Так... – проговорил Коваленко. – Интересно. Ну-ка, посмотрим...

Это была часть фотокарточки молодой женщины, обрезанная по ломаной линии.

Брызгалов не сводил глаз с майора. От сильного волнения на лбу у него выступили росинки пота.

– Ну?... – обратился к нему Коваленко.

Брызгалов шумно выпустил из груди воздух и, облизнув сухие губы, сказал:

– Влип!

– Дальше? – потребовал Коваленко, заканчивая осмотр одежды.

– Фотокарточка – это пароль, – проговорил Брызгалов. – Вещественный пароль. Теперь я расскажу все по порядку.

– Одевайтесь, – разрешил Коваленко.

Брызгалов медленно оделся, обулся и, бросив взгляд на стол, где лежали отобранные у него вещи, попросил разрешения закурить.

Коваленко взял щепотку махорки, листок бумаги из своего портсигара и передал предателю.

– Фотокарточку, эту половинку, надо показать Саврасову. У него вторая половина. Сложенные вместе, они должны составить целую фотографию.

– Кто такой Саврасов?

– Инженер.

– Где он?

Брызгалов назвал один из уральских городов.

– Кто вас послал к нему?

– Гауптман... Капитан Гюберт.

Далее выяснилось, что после побега из арестантского вагона Брызгалов попал из танковой части не в штаб дивизии, а в разведывательную организацию гитлеровцев и что его подготовкой занимался некий капитан Гюберт.

Брызгалову было приказано побыстрее проникнуть на Урал, отыскать инженера Саврасова, сказать ему три слова: «Шифр 17 апреля», получить информацию и вернуться обратно к капитану Гюберту. Для этого ему и выдано было служебное удостоверение, паспорт и командировочное предписание на имя агента снабжения Старопокровского завода. Документы принадлежали одному из расстрелянных гитлеровцами советских граждан.

Из пятидесяти пяти тысяч рублей – сорок Брызгалов должен был передать Саврасову, а пятнадцать оставить себе.

– Вы знаете Саврасова? – спросил я.

– Нет.

– А где обитает капитан Гюберт?

Брызгалов назвал небольшой районный город, оккупированный гитлеровцами. Но Гюберт живет не в самом городе, а примерно в километре от него, в лесу, в бывшем детском санатории. В распоряжении Гюберта имеется небольшой штат из двадцати – двадцати пяти человек, и среди них двое русских. Фамилий их Брызгалов не знает.

– Может быть, знали, но забыли? – спросил Коваленко.

– Совсем не знал, – ответил Брызгалов. – Мне с ними не разрешали...

– Сколько времени вы пробыли в резиденции Гюберта?

– Восемь месяцев. С декабря прошлого года. И никуда не выходил. Вся территория обнесена колючей проволокой в три ряда, круглосуточно охраняется, подходы заминированы. У них там все свое: и кухня, и баня, и радиостанция, и электродвижок...

Он докурил сигарку до самых губ, аккуратно положил окурки на пол и затоптал ногой.

– Что вы должны были сказать Саврасову при встрече? – спросил я.

– Ничего.

– То есть?

– Вначале ничего. Я должен был показать ему вот этот кусок фотокарточки, и все.

– А потом?

– А после того как Саврасов мне покажет вторую половинку, сказать ему: «Шифр 17 апреля».

– Что это значит?

– Не могу знать. Капитан Гюберт не сказал мне об этом ничего...

– Выкладывайте все! – жестко сказал Коваленко, глядя прямо в лицо парашютисту.

Брызгалов рассказал, что он обязан был выслушать Саврасова, хорошенько запомнить все, что тот скажет, и, не теряя времени, возвратиться с докладом к капитану Гюберту. Капитан в ближайшее время не намерен переносить свою резиденцию, по крайней мере, к такому заключению пришел Брызгалов. Возможно, что Саврасов снабдит его новыми документами, командировкой в прифронтный район. Возвращаться Брызгалов должен через линию фронта на том участке, где ему указано.

Он назвал это место. При встрече с первым же гитлеровцем надо сказать пароль: «Ахтунг, панцер!», что в переводе означает: «Внимание, танки!», и потребовать, чтобы его доставили к гауптману Гюберту. На участке передовой, где обусловлен переход, пароль, данный Гюбертом, будет известен командирам германских частей.

– А кто вас свел с Гюбертом?

– Он сам приехал в штаб танковой дивизии и забрал меня, – ответил Брызгалов. – Нас сопровождала охрана и солдаты фельджандармерии.

– И Гюберт сразу отвез вас в свою резиденцию? – спросил я.

– Нет, – ответил Брызгалов. – Меня еще месяца два держали в кутузке жандармерии. Вытребовали из Бреста сохранившиеся судебные дела, все проверяли. Гюберт время от времени приезжал беседовать со мной, а в декабре забрал к себе.

2. Командировка

Прошло три дня. Ничего нового Брызгалов не рассказал.

Подполковник Фирсанов позвонил в Центр. Выслушав его, Центр предложил допросы временно прекратить и сообщил, что на днях к нам вылетит полковник Решетов. Кто такой Решетов – никто у нас не знал.

Полковника мы встретили утром на фронтовом аэродроме. Это был рослый хмурый человек, судя по его выправке – в прошлом строевик.

Представившись и поздоровавшись с нами, он уселся в машину рядом с шофером, наклонился вперед к ветровому стеклу и молчал всю дорогу до штаба. Я сидел сзади, и в глаза мне бросилась одна особенность: правой рукой Решетов все время старательно массировал кисть левой. Эта кисть была заметно бледнее правой, суше и помечена большим белым рубцом, идущим по тыльной стороне.

В рабочей комнате Фирсанова он уселся на маленький жесткий диванчик, прижавшийся к простенку между окнами, расчесал свои густые волосы и расстегнул воротник гимнастерки.

– Садитесь, товарищи, – сказал он нам – подполковнику Фирсанову, майору Коваленко и мне.

Его спокойное хмурое лицо со сросшимися на переносице бровями казалось утомленным.

Пауза затянулась. Полковник курил. Мы ждали.

– Где парашютист? – спросил наконец Решетов, потирая больную руку.

– Во дворе, рядом, – ответил Фирсанов.

– Где его лучше допросить: там или здесь?

– Только у меня, там негде.

– Распорядитесь, чтобы его привели, – приказал Решетов.

Я, как младший по званию, вышел и через несколько минут возвратился с Брызгаловым.

За эти дни Брызгалов немного отошел, отдохнул, глаза его, тогда, при первом знакомстве в колхозе, показавшиеся мне очень маленькими, теперь как бы увеличились и смотрели с некоторой наглостью, словно он уже считал себя в полной безопасности.

– Садитесь, – бросил ему полковник.

Брызгалов осторожно сел.

Решетов несколько секунд молча смотрел ему в глаза. Брызгалов поежился под его тяжелым взглядом, как жук, наколотый на булавку, потом нервно передернул плечами и уставился в пол.

– Вас готовил к переброске Гюберт? – спросил Решетов.

– Эге... Я уже говорил об этом вот им, – и Брызгалов небрежно кивнул в нашу сторону.

Глаза полковника сузились.

– Встать! – резко сказал он. – Отвечать, как полагается!

Брызгалов вскочил, словно его подбросило сильной пружиной, подтянулся, вытянул руки по швам.

Решетов ставил вопросы громко, четко, отрывисто, не отводя взгляда от Брызгалова.

– Да, капитан Гюберт, – отвечал Брызгалов. – Он готовил к переброске и возил на аэродром.

– Кто сопровождал в самолете?

– Тоже он.

– Еще кто?

– Второй немец.

– Фамилия?

- Не знаю.
- А Саврасова знаете?
- Нет, никогда в глаза не видел.
- А Гюберт Саврасова знает?

Лицо Брызгалова застыло; казалось, в его голове происходит какая-то усиленная работа мысли.

Задержавшись с ответом, он сказал наконец:

- По-моему, не знает.
- Садитесь! – разрешил полковник. – Почему вы так решили?

Брызгалов сел, вздохнул, вытер влажный лоб рукавом пиджака и начал рассказывать. Накануне выброски Гюберт обстоятельно беседовал с ним. В ходе беседы он вызвал к себе незнакомого Брызгалову русского и предложил ему: «Опишите подробнее и точнее наружность Саврасова».

Брызгалов считает, что, если бы Гюберт лично знал Саврасова, он бы не передоверил описание его наружности другому. К тому же, когда этот русский рисовал портрет Саврасова, Гюберт спросил его, кто выше ростом – Брызгалов или Саврасов. Русский взглянул на Брызгалова, попросил его встать со стула и ответил, что Саврасов если и выше, то очень ненамного.

Трудно было предположить, чтобы Брызгалов врал так тонко. К тому же этот вопрос к его личной судьбе не мог, по-видимому, иметь отношения. Из рассказанного можно было заключить, что Гюберт действительно не знал Саврасова.

Это обстоятельство, очевидно, пришлось по душе Решетову. Он чему-то усмехнулся, прошелся по комнате и продолжал допрос:

- Как звали русского?

Брызгалов покачал головой. Этого он не знал. Может быть, при нем Гюберт и называл русского по имени или фамилии, но Брызгалов не обратил на это внимания, не запомнил. За все время пребывания в разведывательном пункте он видел этого русского только два или три раза и знаком с ним не был.

- В чем он был? – спросил Решетов.
- В гражданском костюме.
- Обрисуйте мне его, – предложил полковник. – Каков он собой?

Брызгалов помедлил немного, видно собираясь с мыслями, потер угреватый лоб, посмотрел в потолок, прищурил один глаз, точно прицеливался, и начал рассказывать. Он дал яркий, сочный, запоминающийся портрет, по крайней мере, я получил довольно живое представление о внешности и характерных особенностях этого неизвестного «русского».

- Значит, брови у него мои? – спросил Решетов.

Брызгалов посмотрел на полковника исподлобья и ответил:

- Пожалуй... А в плечах он пошире немного. Он пожирнее вас, а вы суховаты...
- Какое вознаграждение обещал вам Гюберт по возвращении?

Брызгалов потупился и после небольшой паузы проговорил:

– Обещал на тридцать тысяч часов и золота из Ювелирторга... И интересную должность...

- Какую именно?
- Начальника полиции в Рославле.

Полковник усмехнулся, прошел к дивану, сел и принялся за свою левую руку.

Я попросил разрешения задать арестованному несколько вопросов.

- Спрашивайте, – сказал полковник.

Брызгалов перевел взгляд на меня.

- Вы владеете немецким языком? – спросил я.

Брызгалов разрешил себе улыбнуться: кроме русского, он не владел никакими.

– Как же вы изъяснялись с Гюбертом?

– Хм... Он по-русски говорит не хуже нас с вами.

Полковник быстро встал:

– А может быть, Гюберт не немец?

– Немец! – твердо заверил Брызгалов. – Самый настоящий немец. С немцами по-своему он говорит очень быстро. А по-русски говорит хоть и правильно, но медленно.

– А почему вы решили, что тот, незнакомый вам человек, русский? – осведомился я.

– И по разговору и по облику. Нет, уж тут я не ошибаюсь.

– Так... – произнес Решетов и хлопнул себя по коленям. – Еще есть вопросы?

Вопросов не было.

– Отправьте, – распорядился полковник.

Я увел арестованного и вернулся.

– Можете быть свободны, – сказал Решетов мне и Коваленко.

Мы вышли. Я решил отправиться домой и закусить, так как с утра у меня крошки во рту не было. Коваленко остался в штабе.

День выдался жаркий. Я шел теневой стороной улицы, не торопясь.

Колонка была уже починена, три воронки засыпаны, около трансформаторной будки стояла грузовая машина: несколько бойцов грузили в ее кузов глыбы кирпичей, спаянные цементным раствором.

Когда я перешагнул порог дома, меня встретил настойчивый телефонный звонок. Я бежал в комнату и схватил трубку. Звонил Коваленко:

– К полковнику Решетову, быстро! Где вы пропадаете?

– Как – где? Я только что до дому дошел, еще не завтракал даже.

– Не умрете... Давайте быстрее. Он не из тех, кто любит ждать.

Обратно в штаб я почти бежал. Майор встретил меня у входа, видимо специально, чтобы сгладить впечатление от своего резкого тона по телефону.

– Успели перекусить? – спросил он.

– Когда же? Я только вошел – и звонок.

– Ничего! Дело поправимое. После разговора прямо ко мне. Я тоже не завтракал, – и, подмигнув мне многозначительно, добавил: – Закусим добре!

Я понял без пояснений, что майор грозит выставить к завтраку что-нибудь более интересное, чем пиво, которым славился городок.

В кабинете меня ждали Решетов и Фирсанов.

– Садитесь, майор... – пригласил полковник. – Вы понимаете, что кому-то надо ехать на Урал, на свидание с Саврасовым? – с ходу спросил он.

– Очень хорошо понимаю, – ответил я. – Думал об этом. Нельзя упускать такой возможности.

– Вот именно. Вы к такому путешествию готовы?

– Я?... Так точно, готов немедленно.

– Отлично! – сказал полковник и откинулся на спинку дивана. – Правда, подполковник Фирсанов колебался, на ком остановить выбор – на вас или на майоре Коваленко, а потом согласился со мной, что ваша кандидатура более подходит. Важно, что вы уже трижды были в тылу врага, видели тамошнюю обстановку, знаете режим, установленный оккупантами, их повадки. Разговаривая с Саврасовым, вам не придется фантазировать. А Саврасов безусловно заинтересуется воинскими подвигами своих хозяев, всякими там подробностями и деталями. Рассказывайте ему побольше. Это очень важно. Ведь вы пойдете к Саврасову как посланец Гюберта, как человек с той стороны. О Саврасове мы, правда, почти ничего не знаем. Но есть основания полагать, что это гусь крупный... – Полковник помолчал и спросил: – Разведчиком вы стали, кажется, совсем недавно?

– Так точно, – ответил я.

– А кем были до войны?

– Учителем математики.

– В армии служили?

Я ответил, что отбывал срочную службу, затем три года на сверхсрочной, учился на специальных курсах и, наконец, воевал с белофиннами.

– Так вот, майор, – сказал полковник Решетов, – задание это не менее важное, чем ходка в тылы противника. Свидание с инженером Саврасовым надо провести на «отлично». Неизвестно, во что выльется и что повлечет за собой эта встреча. Неизвестно, с кем вам еще придется повидаться после знакомства с Саврасовым. Гадать мы не будем, но предвидеть кое-что можем.

– Ясно.

– Ведите себя в разговоре с Саврасовым смелее, почувствуйте себя свободно, поставьте дело так, чтобы он понял, что вы не просто курьер, вроде Брызгалова, а доверенное лицо капитана Гюберта с особыми от него полномочиями. Постарайтесь выудить из него все, что можно. Постарайтесь узнать больше, чем он сам сочтет нужным передать Гюберту.

– Ваша встреча с Саврасовым, – заметил Фирсанов, – проверит показания Брызгалова. И от результатов ее будет зависеть многое.

– Теперь вот что, – продолжал Решетов, – помимо предметного пароля, вот этой разрезанной фотографии, вы должны назвать Саврасову устный. Вы должны сказать ему: «Привет от Виталия Лазаревича», а Саврасов обязан ответить: «Очень рад, я видел его в феврале сорок первого года».

– Значит, Брызгалов?.. – сказал я.

– Да, да... – перебил меня Решетов. – У Брызгалова дух еще неокончательно сломлен. Он кое-что скрывает. Насчет устного пароля он сознался только что, когда вы отсутствовали. Я с ним еще раз беседовал.

– Понятно.

– Возможно, что он и сейчас не все сказал, – проговорил Фирсанов.

– Возможно, даже весьма вероятно, – согласился Решетов. – Но я предупредил этого субъекта, что за все, что он не нашел нужным нам рассказать, он отвечает головой. Итак, собирайтесь, майор.

Я встал.

– Полетите завтра утром, – заключил полковник. – Вас встретят там и дадут знать, где искать Саврасова. Я буду звонить ночью и предупрежу товарищей. Доброго пути. Желаю успеха! – И он подал мне руку.

3. Саврасов разговаривает откровенно

Самолет доставил меня из Москвы в город на Урале около полудня.

Два товарища, предупрежденные полковником, встретили меня и сразу же сообщили, что Саврасова в городе нет. Его ждут с минуты на минуту.

Живет Саврасов в центральной городской гостинице. В той же гостинице, этажом ниже, забронирован номер и для меня – «представителя одного из железнодорожных главков».

Условившись о встречах и телефонных звонках, мы распрощались, и я, усевшись в автобус, отправился в город.

Получив номер и сдав документы на прописку, я решил прежде всего привести себя в порядок: надо было предстать перед инженером в самом лучшем виде и произвести впечатление хорошего конспиратора, человека, располагающего средствами и идеальными документами.

Я побрился, переделался и вышел на улицу. День был на исходе. Длинные тени тянулись через мостовую.

Улицы города, широкие, просторные, озелененные, были заполнены пешеходами и машинами. Война взбудоражила город, перекинув в него с запада крупные предприятия и десятки тысяч новых людей. Я шел неторопливо, разглядывая вывески и афиши, временами останавливаясь перед витринами, чтобы посмотреть на свое отражение.

Погода портилась. Лето покидало Урал. Деревья на улицах и в скверах дрожали под порывами ветра. Над центральным сквером, предчувствуя дождь, беспокойно летали и каркали галки.

Я решил было пройти до конца главной улицы, но передумал и пошел обратно. Не то чтобы я волновался. Нет. Еще в самолете я мысленно рисовал картину моего первого визита к Саврасову. Я представлял себе, как войду к Саврасову, что скажу, как направлю ход беседы, пытался предусмотреть опасные вопросы. Казалось, я был вполне подготовлен. Но, видимо, подсознательно меня тревожило ощущение неизвестности, и мне вдруг захотелось ускорить встречу, чтобы избавиться от этого ощущения.

Около гостиницы стоял изрядно потрепанный «ЗИС-101», и я подумал, что на этой машине вернулся Саврасов. Я поднялся на третий этаж, толкнул дверь его номера. Дверь была заперта.

Я отправился к себе и прилег на диван. Время потянулось в раздумьях и ожидании.

Примерно через час-полтора я снова поднялся на третий этаж и увидел ключ, торчащий в двери Саврасова. Значит, инженер явился. Ждать больше нечего: я огляделся по сторонам, убедился, что коридор пуст, и без стука вошел.

У круглого стола, уставленного посудой, с журналом «Огонек» в руках сидел Саврасов. Он поднял голову и сквозь большие очки в черной оправе выжидательно уставился на меня. У него было большое, гладкое, актерское лицо, старательная – волосок к волоску – прическа с ровным пробором, темные, с припухшими веками глаза.

– Вы к кому? – спросил он бархатистым, звучным голосом, не меняя позы, с нотками удивления в голосе.

– Если вы инженер Саврасов, то к вам, – ответил я, стоя у порога.

– Да, я Саврасов. Чем могу быть полезен? – спросил он, слегка прищутив глаза.

– Я к вам с приветом от Виталия Лазаревича, – произнес я негромко, внимательно следя за его лицом.

Он немного побледнел, полная рука, державшая журнал, вздрогнула. Он бросил журнал на стол, откинулся было на спинку стула, но тотчас быстро встал.

Эти резкие и непоследовательные движения ясно говорили о волнении.

– Никак не ожидал... – произнес Саврасов вполголоса и, обойдя стол, направился к двери. Походка у него была тяжелая, и паркет под его шагами поскрипывал. Приоткрыв дверь, он вынул ключ, вставил его изнутри и, повернув два раза, строго сказал: – У вас очень громкий голос. Нельзя ли потише?

Я почувствовал повелительные нотки, прозвучавшие в его голосе.

Саврасов подошел вплотную, посмотрел мне в глаза пристальным взглядом, будто прицеливался, и тихо, но очень медленно и внятно назвал ответный пароль:

– Очень рад... Очень рад... Я видел его в феврале сорок первого года... – и прежним повелительным тоном спросил: – Вас кто послал, Доктор?

Тон этот мне не понравился – он сразу ставил меня в зависимое положение, а этого нельзя было допустить.

– Кто послал, не так важно, – ответил я немного развязно, взял стул, повернул его и уселся верхом, положив руки на спинку стула. – Когда надо будет, скажу. Черт вас занес в такую даль!.. – Я старался говорить тоном брезгливым и небрежным, так, чтобы установить строгую дистанцию между нами.

Он вздохнул, подошел к просиженному дивану и тяжело опустился на него. Диван издал жалобный стон.

– Так, так... – произнес Саврасов, немного смешавшись и как-то растерянно. – Ну-с?.. – Видимо, от волнения его губы пересохли, и он облизал их.

– Рассказывайте, что случилось, почему молчите? Где люди? – сказал я.

– Виноват. Маленькая деталь...

– То есть?

– Вы обязаны показать мне кое-что.

Я неторопливо вынул из нагрудного кармана пиджака зеркальце, вделанное в замшевый чехольчик, извлек из него половинку фотокарточки и подал Саврасову.

Он взял ее, рассмотрел на расстоянии вытянутой руки, как это делают люди, страдающие дальностью, и, покачивая головой, усмехнулся:

– Все ясно, все ясно... Что и требовалось доказать.

Он достал из кармана пухлую записную книжку в засаленной обложке, перетянутую резинкой, и раскрыл ее. Надорвав внутреннюю сторону обложки, извлек из нее фотографию, положил ее на край дивана и присоединил к ней половину, врученную мной. Края обеих половинок, разрезанные по ломаной линии, сошлись точка в точку.

– Вот так... – проговорил Саврасов, ослабил галстук и, расстегнув воротник сорочки, откинулся на спинку дивана: – Но вы все-таки скажите, – обратился он уже просительно, – от кого вы: от Доктора или от Габиша?

Ни о том, ни о другом я не имел ни малейшего понятия. Отсюда неопровержимо следовало, что отвечать опрометчиво нельзя. Надежно уложив в памяти два новых имени – Доктор и Габиш, – я ответил:

– Я от Гюберта. Гауптмана Гюберта...

– Гюберт... Гюберт... – протянул Саврасов, прикрыв глаза и стараясь, вероятно, что-то вспомнить. – Это не племянник Габиша? Вы имени его не знаете?

– В эти детали не посвящен, – коротко ответил я.

– А каков он из себя?

Со слов Брызгалова я довольно живо обрисовал внешность и манеры капитана Гюберта.

– Не то, не то... Безусловно, не то, – проговорил инженер, подтвердив догадку незадачливого парашютиста, что Саврасов, по-видимому, не знает Гюберта. – Да это, в сущности, и не так важно.

Обычно я придерживался непреложного правила: не зная игры, не делать первых шагов. Сейчас обстановка предписывала мне действовать крайне осторожно. Но она вовсе не исклю-

чала риска. Даже наоборот – она предполагала риск. Если бы Саврасов не допустил оплошности и не упомянул о каком-то Докторе и Габеше, то я, пожалуй, не нарушил бы своего правила и не пошел бы на риск. Но тут козыри сами шли в руки.

Решив обыграть ответный пароль, я небрежно осведомился:

– Стало быть, Виталия Лазаревича вы видели не так уж давно, в феврале сорок первого?

– Почему вы так решили? – удивился Саврасов.

– Я ничего не решал, – пожав плечами, ответил я. – Таков пароль.

Саврасов рассмеялся и махнул рукой.

– Вы правы, – признался он. – Совершенно верно. С Доктором мы встретились в феврале... перед уходом его на ту сторону. Но Виталий Лазаревич высказал твердую уверенность, что мы еще встретимся. Когда я сказал: «Прощайте!», он меня поправил и заметил: «Почему так театрально? Не прощайте, а до свидания». Поэтому-то я и решил сначала, что вы от него.

Итак, Виталий Лазаревич – это не случайное имя для пароля. Виталий Лазаревич существует, он и Доктор – это одно и то же лицо.

– И после вы ни с кем не встречались? – продолжал уточнять я.

– Конечно.

– И никого ни о чем не информировали?

– Да, да... Неожиданный переезд на восток. Связь через Минск нарушена войной... Доктор должен понять... Я ждал указаний...

Я кивнул, сделав вид, что меня это вполне удовлетворяет. Но следовало углубить разговор, выяснить побольше.

– Видите, в чем дело... – начал я, сделал умышленную паузу и продолжал: – Ваше присутствие здесь крайне необходимо, важно. Связь восстановим. «Шифр 17 апреля» действует, учтите. Задачи перед вами очень большие, ведь на Урал и в Сибирь перебазирована почти вся военная промышленность. Здесь формируются крупные соединения советских войск. Вам надо на какое-то время выехать в Москву, восстановить связи, организовать переезд двух-трех надежных людей сюда, на Урал, и в Сибирь...

– Что?! – воскликнул Саврасов. – Поехать в Москву? Это невозможно! Абсолютно невозможно!

– А если необходимо? – спокойно спросил я.

– Все равно...

– Если этого требует Гюберт?

– Я не знаю, кто такой Гюберт... – Саврасов вскинул плечи и растерянно развел руками. – Во всяком случае, если я уеду в Москву, то вернуться сюда не смогу и должен буду перейти на нелегальное положение.

– Не понимаю, – сказал я.

Саврасов объяснил, что работа по приему заводского оборудования, идущего с запада, которая на него возложена, не допускает никаких отлучек и промедлений. Никто его не освобождает от этой работы. Время военное. Конечно, если вопрос стоит так, что, невзирая ни на что, он должен быть в Москве, то придется рвать с заводом. Опасно, это грозит судом. Покинуть завод официально не удастся, а неофициально... Завод имеет чрезвычайно важное оборонное значение. Перебазировка его из центральной полосы на Урал проводится быстрыми темпами. Сам Саврасов на заводе – человек не новый, всем известный, и терять такое место было бы неразумно. «Вы же сами говорите, что мое присутствие здесь крайне важно».

Я промолчал. Воцарилась долгая пауза, которую нарушил Саврасов.

– Вы говорите Москва... – начал он.

– Не я, а Гюберт...

– Да, да, это понятно, – кивнул Саврасов. – Но надо же учесть, что я устроился здесь фундаментально. Меня уважают, со мной считаются, мне доверяют. Сюда, если вы хотите знать,

двери, как в рай, очень узенькие. Конечно, если дело требует, я брошу все, но это пахнет, я повторяю, нелегалщиной. Мое исчезновение насторожит руководство, возникнут подозрения. В данный момент я ничем официально не смогу обосновать свое желание покинуть завод. Но если, как принято говорить, цель оправдывает средства, тогда можно рискнуть.

– Нет, так не пойдет, – сказал я решительно. – Гюберт, очевидно, не предполагает, что поездка в Москву так сложна. Я его информирую. Оставайтесь здесь, и больше к этой теме возвращаться не будем. В Москве все же остались у вас свои люди?

– Как это понимать? – испытующе спросил Саврасов.

– Раз вы категорически не можете к ним поехать – а ваши доводы меня убедили, – придется мне помочь вам.

– Хм... Есть один человек, служит на железной дороге. Я приобрел его еще в прошлом году. Удачный человек. Я бы сказал – очень удачный и перспективный. Проверен. Он уже оказал нам кое-какие услуги и готов их оказывать дальше.

– Это надежно?

– Вполне! – твердо заверил Саврасов. – Я информировал о нем Доктора. Он понравился ему еще тогда, до войны. Мы условились именовать его «диспетчером». На него можете рассчитывать.

– Ах, Диспетчер! – воскликнул я. (О Диспетчере я слышал, конечно, впервые!) – Слышал... А еще кто? Диспетчера трогать пока не разрешают.

– Есть еще человек, уже другой категории, – сказал Саврасов нерешительно.

– Именно?

– За этого поручиться не могу – будет слишком смело.

– Кто он?

Саврасов охотно рассказал, как рассказал бы любому другому, пришедшему к нему с паролем. Этот второй человек – бывший прораб одной из подмосковных гражданских строек. Инженер-строитель по опыту, но без диплома. Судился по уголовному делу, после заключения долго не мог обосноваться в Москве и получить прописку, но перед самой войной ему удалось это. Живет на частной квартире в районе Тимирязевской академии.

– О нем мне ничего не говорили, – деловито сказал я. – Так вы говорите, человек он ненадежный?

– Ненадежный, – кивнул Саврасов. – Этот тип привык к большим деньгам и очень избалован ими. За деньги, тем паче за хорошие деньги, которых у него теперь нет, он не остановится ни перед чем. Использовать его постоянно очень опасно, он пригоден лишь для эпизодической работы. Пьяница. А пьяницы, с одной стороны, весьма нам полезны, но с другой – опасны, неосторожны. Поэтому использовать его можно с оглядкой. Я виделся с ним перед отъездом из Москвы. Он озабочен получением документов, которые освободили бы его от призыва в армию. Воевать не хочет.

– Понятно, – сказал я. – Еще кто?

– Все. Больше нет. Война все перемешала, раскидала людей.

«Негусто у тебя, оказывается», – решил я про себя и сказал:

– Значит, сами вы ничего не сделали, чтобы восстановить положение? А как вы живете материально?

– Живу неплохо, но можно было бы и получше, – усмехнулся Саврасов.

– Это дело легко поправимо...

– Что вы сказали? – Саврасов подался немного вперед.

Я прямо не ответил на вопрос и продолжал:

– Давайте договоримся так... – тут я почесал переносицу, будто что-то соображая. – Все, что вы считаете нужным сообщить Гюберту, набросайте себе для памяти, чтобы завтра подробно рассказать мне. Хватит времени до завтра?

– Безусловно.

– Отлично. Завтра же я сниму деньги с аккредитива и вручу вам. Тут с этим делом нетрудно?

– Как вам сказать. Жмутся, конечно. У вас большая сумма?

– Сорок...

– Ого! Ну что ж... Я вам подскажу, в какие кассы обратиться.

– Договорились, – весело сказал я и встал.

– Позвольте! – спохватился Саврасов и тоже встал. – А что вы делаете вечером?

– Ничего. Если не возражаете, давайте поужинаем у меня в номере и поболтаем.

– Ради бога, я с удовольствием. Вечер и у меня свободен. А где ваша комната?

– Внизу, под вами... – я назвал номер.

Не прощаясь с Саврасовым, я вернулся к себе, вытащил из чемодана сверток с нехитрой закуской и немного подкрепился. Потом прилег на диван и перебрал в памяти всю беседу с Саврасовым. Записывать я по уже укоренившейся привычке считал нецелесообразным. Да в этом сейчас и не было нужды: память служила мне пока безотказно.

Потом я набросал план дальнейших действий.

Погруженный в раздумье, я не заметил, как уснул, и проснулся от стука в дверь. В комнате царила темнота. Я вскочил и зажег свет.

Вошел Саврасов.

– Отдыхали? – спросил он, энергично потирая руки.

– Немножко.

– А вы посмотрите, что делается на дворе. – Саврасов раздвинул шторы.

Я тоже подошел к окну. В заплаканное окно глядел слякотный сумрак. По запотевшим стеклам змеились дождевые струйки.

– Бож-же мой, какая гадость! – передернув плечами, воскликнул Саврасов и отошел от окна. – В такую погоду даже лягушки могут схватить воспаление легких!..

Мы долго сидели за столом у окна. Незатемненная улица выглядела неуютной и неприветливой. Торопливо сновали пешеходы, прижимаясь к стенам домов.

Беседа наша затянулась. Вначале я рассказывал Саврасову разные были и небылицы о жизни в оккупированных гитлеровцами городах. Он слушал с интересом, задавал множество вопросов и, кажется, убедился в моей полной осведомленности. Затем я осторожно попытался узнать, какая среда взрастила и воспитала такого отщепенца и предателя. Но мои попытки проникнуть в прошлое Саврасова успехом не увенчались. Прошлого он не касался и, как мне показалось, даже избегал тронуть его. То ли это была осторожность, то ли черта характера, я так и не определил.

Зато о заводе Саврасов рассказал очень пространно; он действительно был хорошо информирован, и это делало его особенно опасным врагом. Тем скорее надо его обезвредить. Но от этого корня могли появиться и ростки... Я воспользовался рассказом Саврасова об уральских делах.

– Вы пробовали искать людей, которые могли бы пригодиться нам здесь?

Саврасов снисходительно посмотрел на меня.

– А как вы думаете? – сказал он.

– Я ничего не думаю, – в тон ему ответил я. – Я интересуюсь.

– Пробовал, дорогой, не раз... – он налил в стакан вина, затем снял очки и стал протирать стекла носовым платком. – Пробовал, зондировал почву, обхаживал кого-то, но ни черта путного не получается. Что скрывать – патриотический подъем в народе огромный! Я никак не ожидал. Войска фюрера бьют их, блестяще прошли в глубь страны: Прибалтика, Молдавия, Белоруссия, Украина, Западные области! А все глупо уверены, что немцев побьют... Черт-те что! Какой-то фанатизм! Откуда только берутся силы, терпение, вера и упорство?! Призна-

юсь честно: позавидовать можно. Вы не подумайте, что я сочувствую. О нет! Я ненавижу их, ненавижу от всей души! Но поражаюсь. Ведь, кажется, всем ясно, что от таких ударов Советы не оправятся, а попробуйте с кем-нибудь поговорить на эту тему. Ого! Вас быстро сведут в милицию, а то и в другое место. При таком положении надо быть очень осторожным. Сто раз отмерь, а один – отрежь! Я уже ученый...

Почему он уже ученый, Саврасов не договорил.

– Ну что ж, – сказал я со вздохом, – поскольку передвинуть в Москву вас не удастся, дайте мне координаты этих ваших... Диспетчера и Прораба. Придется связаться с ними.

Он, не колеблясь, вырвал листок из записной книжки и написал адреса и фамилии, потом сообщил мне несложные пароли, которые я мысленно несколько раз повторил.

Мы расстались почти в полночь. Проводив гостя и выждав некоторое время, достаточное для того, чтобы убедиться, что Саврасов улегся отдыхать, я покинул свой номер. Мне надо было связаться с местными товарищами.

Дождь перестал, небо прояснилось, проглядывали звезды. Не высохшие еще асфальтовые мостовые при свете фонарей напоминали реки. Я радовался улучшению погоды, так как на другой день мне предстояло лететь.

Утром состоялся последний разговор с Саврасовым, хотя о том, что он последний, знал лишь я. Саврасов надеялся еще на встречу после обеда и рассчитывал получить обещанные деньги. Он, конечно, и не подозревал, что я поручил его «заботам» местных товарищей.

Задолго до обеда я был уже в воздухе.

4. Контроперація

В наш прифронтовой городок я вернулся вечером. В эту ночь, как и в другие, был налет вражеских бомбардировщиков. Бомбили и обстреливали одновременно мост, железнодорожный узел, центр города, аэродром и больничный городок.

А через полчаса после отбоя, когда легким туманом задымилось утро, меня вызвал к себе на квартиру подполковник Фирсанов.

Я добрался до его дома по исковыренной бомбами улице. Над городом стлался дым пожаров. Фирсанов расхаживал по двору вместе с комендантом штаба, который ему что-то докладывал.

Ответив на мое приветствие и отпустив коменданта, Фирсанов сказал:

– Ну вот... сегодня наши зенитчики отличились. Сшибли два «юнкерса». Один упал на кладбище, второй – в реку. С одного успел выпрыгнуть парашютист, кажется стрелок... Полковник Решетов уже побеседовал с ним... Ну, а ты как чувствуешь себя? Как настроение?

Я отлично знал, чему предшествуют такие по виду ничего не значащие вопросы. Знал также (как и другие офицеры штаба), что, если подполковник обращается к подчиненному на «ты», это не проявление панибратства. Отнюдь нет. Это свидетельствует прежде всего о том, что предстоит серьезный, ответственный разговор. Это было таким же обыкновением Фирсанова, как и привычка смотреть, прищурившись, прямо в глаза собеседника.

– Пойдем, – сказал Фирсанов. – Нас ждет полковник.

Решетова мы нашли в кабинете Фирсанова. Склонившись над столом, он рассматривал топографическую карту.

Он обрадовано встретил меня, усадил и продолжал изучать карту.

– Как парашютист? – поинтересовался Фирсанов.

Решетов досадливо отмахнулся.

– Диву даюсь, – проговорил он, – что у вас тут за народ. Будто никогда не видели живого гитлеровца! Сбежались все: из разведотдела фронта, из контрразведки, из политуправления, из редакции армейской газеты...

– Он же все-таки с самолета, – напомнил Фирсанов. – А эта публика не так часто дается в руки.

– Ерунда! – возразил Решетов. – Этой публики сейчас развелось как воробьев на горохе...

Мы с Фирсановым рассмеялись. Решетов прошелся по комнате, массируя раненую руку и, спросив меня о том, как летелось, кого успел повидать в Москве, вдруг с нетерпеливыми нотками в голосе сказал:

– Ну, майор Стожаров, рассказывайте! В общих чертах я все уже знаю по шифровкам уральских товарищей. Давайте подробности, подробности!

Я обстоятельно доложил о своем визите к Саврасову, стараясь не упустить ни одной детали. Полковник ставил мне все новые и новые вопросы. Когда я уже иссяк и больше рассказывать было не о чем, полковник на несколько минут задумался, а потом сухо, но сжато как бы подвел итог этой «операции А», как он ее назвал.

– Итак, – начал он, – наши с вами предположения в общем подтвердились. Брызгалов, видимо, действительно только курьер, почтальон, посланный для восстановления связи с затерявшимся в военной суматохе агентом фашистской разведки Саврасовым. Ясно, что для немцев оказались неожиданными и темпы и размах перебазирования нашей военной промышленности на восток. Шутка сказать – как в сказке, возникают там артиллерийские, танковые, авиационные, автомобильные заводы, переброшенные с Украины и Белоруссии, из центральных областей и Москвы. Ясно также, что если до войны главное внимание гитлеровской разведки было устремлено на западные районы и центр страны, то теперь ее щупальца устремятся

на восток. Миссия господина Брызгалова, очевидно, один из эпизодов перестройки вражеской разведки, – заключил он.

Полковник подошел к столу и наклонился над картой. Подчеркнув что-то на ней красным остро отточенным штабным карандашом, он, не отходя от карты, продолжал:

– А теперь перейдем к другой стороне вопроса. Из показаний Брызгалова – а эти показания в отношении Саврасова подтвердились – явствует, что за линией нашего участка фронта свила свое «осиное гнездо» одна из оперативных групп гитлеровской разведки, руководимая Гюбертом. Эта группа вербует и готовит агентов для переброски через линию фронта, к ней стекается шпионская информация из одного или нескольких районов страны. И вот теперь возникла возможность проведения «операции Б». Итак, майор Стожаров, дело сейчас за вами... Знаете, что мы придумали?

Я отрицательно покачал головой. Мне почему-то не хотелось признаться в том, что я уже предугадывал развитие событий и свою роль в них.

Решетов подробно пояснил свою мысль: Гюберт ожидает возвращения своего посыльного Брызгалова. Он послал его с расчетом на быстрое возвращение. То, что Брызгалов должен был пробираться на Урал, а не в Москву, где ранее находился Саврасов, говорит о том, что Гюберт (или те, кто стоит за ним) в какой-то степени находится в курсе событий.

Брызгалов по обстоятельствам, от него не зависящим, вернуться к Гюберту не может. Допустим, что он выбросился из самолета, удачно приземлился, благополучно покинул зону приземления, а вот дальше ему не повезло. На одном из разъездов он сел в поезд, а поезд попал под бомбежку фашистской авиации. Отсюда и пошли все беды. Вагон, в котором ехал Брызгалов, разбило. Брызгалову перебило осколком ногу. Он попал в московскую больницу и лежит в гипсе. Пока срастется кость, времени уйдет много. Брызгалов решил искать выход. И нашел его. Ему удалось связаться с одним из дружков по шайке железнодорожных грабителей. Этот человек скрывался от органов НКВД. Он работал в передвижной вагон-лаборатории на железной дороге, но чувствовал себя неуверенно.

Брызгалов снабдил его своими документами, дал немного денег и отправил к Саврасову. Человек этот, с точки зрения Брызгалова, надежный и грамотный. Техник...

– Этот железнодорожник – вы, – закончил Решетов. – И вас же он решил послать к Гюберту. Пароли для перехода вам известны со слов Брызгалова, участок для перехода линии фронта – тоже. Так, кажется мне, может в общих чертах выглядеть легенда.

– Да... – ответил я и спохватился: неудержимые и не признающие никаких границ мысли витали где-то далеко и опережали содержание разговора.

– Вы слушаете меня, а сами думаете о чем-то? – догадался Решетов.

– Так точно, – признался я.

– Правильно, – одобрил Решетов. – Я изложил только схему задания. А теперь мы хотели бы услышать ваши предложения. Поразмыслите хорошенько и заходите. Мы вас будем ждать.

– Однако долго не раздумывайте, – предупредил Фирсанов. – Железо надо ковать...

– Понимаю, товарищ подполковник, – ответил я вставая. – Много времени мне не требуется. Я только соберусь с мыслями.

– Вот, вот, – сказал Решетов. – Заходите часика через два. Надо учитывать все, – добавил он. – Давайте поставим себя на место Гюберта. Что бы вы сделали, если бы ваш курьер не вернулся к сроку?

– Послал бы второго, – ответил я.

– Вот! – воскликнул Решетов и поднял указательный палец. – И Гюберт поступит так же. Возьмет да и второго бросит, а тот приземлится более удачно. Это нежелательно... Итак, давайте ваши соображения. Помозгуйте...

Я вышел. В таких случаях всегда ощущается потребность побыть одному. От меня ждали предложений. И они уже постепенно рождались в моих мыслях.

Я спустился к реке и прошел в городской парк, совершенно безлюдный в это раннее время. Я выбрал заросшую аллею, что вела к берегу реки, и уселся на уцелевшую скамью под большой липой.

Густо-синее высокое небо было чистым и безмятежным: по нему медленно скользили едва приметные легкие облачка. Тихо, бесшумно несла свои воды река, и, как вчера, как сотню лет назад, ее шелковый плес солнце разукрасило расплавленным серебром. Утренний ветерок шелестел листвой огромной липы, густая тень которой покрывала почти всю аллею.

Шелест ветерка помогал мне думать. Мозг работал напряженно и четко. Возвращаясь в штаб, я мог предложить уже кое-что, на мой взгляд, интересное.

– Ну как? Надумали что-нибудь? – спросил Решетов. – Что ж, послушаем. Присаживайтесь.

Я постарался как можно короче изложить свои соображения. Я пойду к Гюберту вместо Брызгалова. Пока невозможно предугадать, как использует меня Гюберт: он может задержать меня, оставить при себе, а возможно, перебросит обратно для связи с Саврасовым или же с кем-либо другим из своей агентуры на нашей территории. Но любой из вариантов не исключает главного: в период пребывания в резиденции Гюберта у меня могут возникнуть вопросы, требующие или совета, или немедленного решения.

Далее, нам пока неясно, что собой представляет резиденция Гюберта, – то ли это разведпункт, то ли школа диверсантов, то ли филиал гестапо, то ли контрразведки. Наконец, мне, возможно, встретятся интересные люди, которых можно будет использовать, или же станут известны сведения о замыслах и планах противника, которые надо будет немедленно предупредить, разрушить. Но, лишенный связи с Большой землей, я буду бессилён что-либо предпринять. А когда я вновь окажусь на Большой земле, все добытые мною сведения устареют и потеряют цену. Стало быть, самый существенный вопрос – это связь с Большой землей. Она должна быть, чего бы это ни стоило...

– Истина, не требующая доказательств! – перебил меня подполковник Фирсанов. – Разведчик без связи – пустой звук. Мы уже думали об этом. Сейчас этого вопроса...

– Минутку!... – вмешался полковник Решетов и обратился ко мне: – У вас есть предложение?

– Да!

Решетов и Фирсанов переглянулись.

– Предлагаю, – продолжал я, – выбросить в район города, около которого базируется Гюберт, нашего разведчика с радистом. Если мне нельзя явиться к Гюберту с рацией, а это действительно нельзя, значит, следует именно так организовать связь. Я исключаю мысль, что никто из горожан не знает о «хозяйстве» Гюберта. Так не бывает. Кое-кто да знает. И не может быть, чтобы люди Гюберта, которых более двух десятков, и он сам не бывали в городе. Бывают... Наша подсобная группа из двух человек – разведчика и радиста – должна осесть не в городе, а где-то вблизи него, с таким расчетом, чтобы связаться со мной. А это уже дело техники. Мы разработаем условия связи, явки, как делали это не раз, и тогда я смогу держать штаб в курсе всех событий.

Решетов встал и быстро заходил по комнате.

– А почему бы в самом деле не поступить так? – сказал он будто самому себе. – Что мы теряем? Абсолютно ничего. А что выигрываем? Много шансов за то, что наладится связь... Майор, мысль ваша работает правильно! И связь с группой вы должны налаживать именно через город. Вам придется найти подходящего человека. Так... так... Все становится на свои места! – Решетов энергично потер руки. (И я заключил, что он не всегда бывает спокойно-уравновешенным человеком, каким казался в первые дни нашего знакомства.) – А есть подходящая кандидатура, чтобы возглавить группу? Через Центр – это долго.

– Есть, – решительно ответил я.

Решетов и Фирсанов вопросительно посмотрели на меня.

– Криворученко... – сказал я.

Фирсанов усмехнулся.

– А кто это? – спросил Решетов.

Ответил Фирсанов:

– Это напарник майора по тылам противника. Опытный товарищ.

– Ага... Совсем неплохо. Где он сейчас?

– Здесь, – ответил Фирсанов.

– А ну-ка, подать сюда Тяпкина-Ляпкина...

Я вышел, передал приказание дежурному и вернулся.

– Вы с ним предварительно беседовали? – поинтересовался Решетов.

– Нет, не получил еще разрешения...

– Он когда-нибудь прыгал с парашютом?

– Нет. Но это дело немудреное, тем более для Криворученко.

Вошел дежурный и доложил, что Криворученко явился.

– Зови его, – приказал Решетов.

Стройный и, как всегда, стремительный, Семен Криворученко вошел в кабинет, отряпывал и застыл в положении «смирно», глядя прямо в лицо Решетову смелыми, почти дерзкими темно-кариими глазами. Из-под пилотки падал на лоб русский волнистый чуб.

Полковник пытливо всмотрелся в него и без всяких предисловий приступил к делу:

– Необходимо перебросить разведчика с радистом за линию фронта, в неприятельский тыл, для организации связи с майором Стожаровым, который направляется туда с особым заданием. Мы остановились на вашей кандидатуре. Как вы на это смотрите?

Криворученко спокойно ответил:

– Готов, товарищ полковник. Я готов.

Ни один разведчик, как бы опытен он ни был, не может без волнения отнестись к новому заданию в тылу противника. Но лицо Семена оставалось ясным и безмятежным. Да, он был парень с выдержкой...

– Отлично! – сказал полковник, не сводя с него глаз. – Майор сам введет вас в курс дел. Но идти вам придется врозь: вначале майора переправим, а потом уже вас с радистом. Его сухопутьем, а вас по воздуху.

Криворученко весело блеснул глазами и коротко сказал:

– Есть!

– Хорошие у вас хлопцы! – заметил Решетов, когда Криворученко вышел. – С такими можно дела делать. – Он наклонился над картой: – Давайте познакомимся с местностью.

– Да, кстати, и решим, куда лучше выбросить Криворученко, – сказал Фирсанов и спохватился: – А как же с радистом? У нас сейчас нет ни одного в резерве.

– Я найду, – успокоил Решетов. – В крайнем случае возьмем из школы молодого. А с вами, майор, мы еще поговорим обстоятельнее. Я должен посвятить вас в кое-какие подробности. Виталий Лазаревич появился не вдруг. Этим паролем кое-кто уже пользовался. Я, кажется, натолкнулся на старых знакомых. Но об этом расскажу вечером. Не все сразу.

И мы принялись за изучение местности, окружающей резиденцию Гюберта.

5. Габиш, доктор, Вилли и другие

Вечером мы с майором Коваленко сидели на лавочке во дворе штаба.

Вскоре подошли Решетов и Фирсанов. Решено было поужинать на открытом воздухе. Мы расположились под большим кленом за старым садовым столиком. Наверное, за ним когда-то мирно собиралась жившая здесь семья.

Сегодня в наш обычный пайковый ужин было внесено приятное разнообразие: кто-то из свободных от дежурства товарищей наловил на речке раков, и мы прямо-таки набросились на них.

Когда с ужином было покончено, полковник Решетов приступил к рассказу, который должен был дать мне кое-какие дополнительные данные.

– Как-то летом сорокового года, – начал он, – в городе, где был расквартирован Особый отдел, в котором я работал, грузовая машина ночью сшибла человека. Кто был убит, осталось загадкой: никаких документов на неизвестном не оказалось. Однако под брезентовой курткой убитого была обнаружена портативная и компактная, но большой разрушительной силы мина со взрывателем часового действия, а в подкладке куртки – половинка такой же фотографии, что мы изъяли у Брызгалова. Попытки особых органов расшифровать личность диверсанта (а то, что убитый – диверсант, не вызывало сомнений) так и не увенчались успехом.

Немного времени спустя, тем же летом, к нам поступило интересное заявление. Один товарищ сообщил, что год назад ему, как представителю спортивной организации, довелось познакомиться в одном портовом городе с тренером футбольной команды бразильского торгового парохода, совершавшего рейсы в Советский Союз. Заявитель хорошо запомнил внешность тренера. Это был стройный мужчина лет тридцати, имеющий, как принято говорить, особую примету: небольшой шрам, идущий от середины лба до левой брови. И вот на днях, идя по нашему городу, заявитель вдруг встретил этого иностранца в компании некоего Робуша, работника номерного завода. Но заявителя смутило странное обстоятельство: год назад тренер объяснялся только через переводчика, а теперь он говорил с Робушем на отличном русском языке. Заявитель шел за ним следом два квартала и слышал только русскую речь.

Вскоре мы вынуждены были арестовать Робуша. При обыске у него было изъято закодированное письмо. В нем шла речь о вещах, составляющих большую государственную тайну. Робуш признался, что во время немецкой оккупации Украины в восемнадцатом году он стал агентом немецкой разведки. К разведывательной работе его привлек немецкий офицер в чине капитана, по фамилии Габиш.

– Габиш?! – воскликнул я невольно.

– Да, Габиш, – подтвердил полковник Решетов и продолжал: – После окончания гражданской войны Робуша долго никто не тревожил. Только в тридцать девятом году о нем вспомнила немецкая разведывательная служба, теперь уже гитлеровская. И вот однажды весной, в воскресный день, к нему на улице подошел неизвестный молодой человек, сказал ему несколько слов и попросил зайти в сквер. Это был пароль, который много лет назад дал ему капитан Габиш. Кроме того, неизвестный передал Робушу еще и новый вещественный пароль на будущее – половинку фотокарточки молодой женщины. Вторую половинку должны были предъявлять Робушу как пароль посланцы немецкой разведки.

После этого нам стало ясно, что сшибленный автомашиной диверсант, у которого была обнаружена половина фотокарточки, принадлежал, очевидно, к той же вражеской группе.

Далее Робуш рассказал, что посланца Габиша звали Вилли, что он имел примету – шрам на лбу, что появлялся он несколько раз.

Во второй свой приход Вилли получил нужную разведывательную информацию и потребовал, чтобы Робуш помог устроить на номерной завод некоего молодого человека. Этот чело-

век скоро явился к Робушу на квартиру, а затем непонятным образом исчез, будто в воду канул. Робуш описал нам внешность этого молодого человека, и мы поняли, что он-то и есть тот диверсант, который попал под машину.

Далее Робуш рассказал, что Вилли был очень обеспокоен внезапным исчезновением молодого человека и заявил, что должен покинуть город. Он передал Робуша на связь некоему Виталию Лазаревичу Шляпникову, якобы доктору. Познакомил их Вилли в вокзальном ресторане.

Робуш рассказал нам все, что знал о Докторе, но назвать его местожительство не мог.

Вот, пожалуй, и все, что мы узнали от Робуша.

Вилли и Доктор исчезли, и захватить их нам не удалось. Первый исчез бесследно, второй оставил кое-какие следы, но они завели нас в тупик. Когда нам наконец сообщили, что доктор Шляпников Виталий Лазаревич якобы обнаружился в соседнем городе, я туда немедленно выехал. Но, увы, доктора увидеть не удалось. Он успел вовремя смотать удочки. След был утерян, дальнейшие розыски ничего не дали. Можно предположить, что исчезновение и Доктора и Вилли было вызвано одной и той же причиной – провалами Робуша и неизвестного диверсанта. Можно было предположить и другое. По словам Робуша, и Вилли и Шляпников люди с той стороны, но Вилли – немец, а Шляпников – русский. Оба они, по мнению Робуша, являлись представителями разведывательного органа, возглавляемого Габишем, и, возможно, выполнив свою задачу на территории Советского Союза, вернулись восвояси. Вот и вся история.

Полковник допил свой чай, закурил и продолжал:

– Теперь давайте подведем итоги. Вилли – это тренер, человек со шрамом, фамилия его и местопребывание нам неизвестны. Известно только, что он немец. Далее – Доктор, Виталий Лазаревич Шляпников. Он русский, связан с гитлеровской разведкой. Его знают Робуш и, как теперь выяснилось, Саврасов. Первый его видел за год до войны, второй – в феврале прошлого года. Где он находится – вопрос... И наконец, Габиш.

Он был капитаном в годы Первой мировой войны. Сейчас он может быть генералом. Фамилию Габиша называл и Саврасов. Габиш вербовал и засылал к нам и Робуша и Вилли. Итак, три лица, связанные общностью дел и одним вещественным паролем. Их имена, майор Стожаров, нужно хорошенько запомнить. Возможно, что ваш визит к гауптману Гюберту повлечет за собой встречу с кем-либо из этой тройки.

– Странно, что в ход снова пущена эта половинка фотокарточки, – заметил подполковник Фирсанов. – Ведь двое, имевших этот пароль, провалились – диверсант и Робуш. С точки зрения гитлеровской разведки, этот пароль должен быть, безусловно, исключен – он мог попасть в руки советских органов.

– Вы, конечно, правы, – сказал Решетов. – Но иногда обстоятельства могут заставить пойти на риск. Видимо, иначе нельзя было восстановить связь с Саврасовым.

– Пожалуй, что и так... – согласился Фирсанов.

– Я ночью уеду, – предупредил меня Решетов, – и мы больше не увидимся в ближайшее время. Все ли вам ясно?

– Ясно, товарищ полковник, – ответил я.

– Ну, это главное. Остальное и для меня в тумане, – признался Решетов. – Помните, вас не оставят в покое, вас станут всячески проверять. Держитесь! Возможны и провокация и шантаж, будьте начеку, настороже, в постоянной боевой готовности, как на линии огня. Знание немецкого языка не обнаруживайте ни в коем случае. Держитесь так, чтобы враги абсолютно были уверены, что вы не знаете их языка. Хочу еще раз подчеркнуть: в предстоящем деле полагайтесь на свою память. Записку, документ, как бы хитро вы их ни составили, можно потерять, они могут подвести и погубить вас, а память – надежнейшая шкатулка!

Я кивнул.

– Трудная задача поставлена перед вами, майор, – заключил Решетов, – но я верю, что мы встретимся. Обязательно встретимся! Будьте здоровы, от души желаю успеха!

Он крепко, ободряюще пожал мне руку и отпустил меня.

6. Семен Криворученко

Утром следующего дня я отправился на дом к Семену Криворученко. Решение о его отправке с радистом для связи со мной было принято окончательно.

Я познакомился с Криворученко в июле сорок первого года в штабе истребительного батальона. Он понравился мне с первой встречи, и я сразу решил, что это настоящий парень. Дальнейшее знакомство подтвердило это. Видно, и я пришелся ему по душе.

В моем общении с людьми бывало по-разному: меня часто покорила люди при первом же знакомстве, а затем я в них разочаровывался.

Случалось и наоборот: вначале человек был неприятен, но потом оказывалось, что я неправ, и у нас возникали хорошие, дружеские отношения. Криворученко я полюбил сразу, с первых дней знакомства.

Скоро наше знакомство переросло в крепкую дружбу, которая выдержала все испытания.

Говорят, чтобы хорошо узнать человека, надо съесть с ним пуд соли. Не знаю, насколько применима эта поговорка ко мне и Криворученко. Мы сдружились именно тогда, когда тяжело страдали из-за полного отсутствия соли. Это произошло в январе сорок второго года, когда нас вместе направили с заданием в тыл противника. Мы должны были проникнуть в один из городов Белоруссии, отыскать руководителя разведывательной группы, получить от него важные документы и вынести их на нашу территорию.

Самолеты, на которых нас перебрасывали через линию фронта, должны были совершить посадку на партизанские костры, а идти дальше по своему маршруту нам следовало уже от партизанского лагеря.

Зима выдалась лютая, от жестокого мороза трескали деревья. Помню, стояла холодная лунная ночь с обжигающим ветерком, выжимавшим слезы.

Белая даль простиралась впереди. Мы медленно ехали на аэродром по сильно заснеженной дороге, приходилось часто останавливаться, вылезать, помогать вытягивать машину.

В высоком студеном небе бисером мерцали далекие звезды.

Полтора часа мы затратили на дорогу до аэродрома, заметенного снегом. В реденьком сосновом бору, недалеко от деревни, мы наткнулись на торчавший из снежного кургана кусок железной трубы, наподобие самоварной. Из нее густыми клубами вперемешку с мохнатыми искрами вылетал дым. Ветерок подхватывал его и разносил по бору.

Здесь был командный пункт летчиков. Мы спустились по скользким ступенькам, вырытым в снегу, в глубокую землянку и, смертельно уставшие, повалились на топчан.

В землянке гудела железная печурка. Раскаленные докрасна стенки ее излучали страшный жар. Было очень душно, пахло свежесрубленными бревнами, смолой. Разморенные усталостью и теплом, я и Криворученко отказались от ужина и мгновенно заснули.

Нас разбудили перед отлетом, и сонную одурь мы сбросили уже на морозном воздухе. Два самолета У-2 подняли нас в темное небо. На первом летел Криворученко.

Поначалу все шло так, как предполагалось. Мы удачно перевалили через передний край фронта, и, только когда до лесного массива, где базировался партизанский отряд, остались считанные минуты лета, мы попали под многослойный зенитный огонь.

Партизаны не успели сообщить командованию о том, что на нашей трассе, на территории бывшего совхоза, расположился зенитный дивизион гитлеровцев. До этого дня совхоз пустовал и служил летчикам хорошим ориентиром.

Самолет, на котором летел Семен Криворученко, сразу вспыхнул. Был пробит запасной бензобак. Пламя охватило весь центроплан, и летчик резко повел машину на снижение, пытаясь, видимо, дотянуть до леса.

Летчик моего самолета бросил машину в глубокий вираж. Потом он прокричал мне что-то и показал рукой вниз, за борт. В лесу под нами ярким синеватым пламенем горел подбитый самолет.

Трудно передать охватившее меня чувство отчаяния, злобы и горечи.

Все произошло на наших глазах, в считанные секунды, ни летчик, ни я ничего не могли предпринять. Я готов был плакать от сознания своего бессилия, готов был кричать. А возможно, что я и плакал, и кричал, сейчас уже не помню.

Но, как оказалось, к моей великой радости, Криворученко уцелел и остался жив. Он явился к партизанам на вторые сутки в совершенно неузнаваемом виде: левый глаз сплошь заплыл, исчез под пухлым кровоподтеком, часть волос, брови и ресницы обгорели, на обеих скулах красовались ярко-багровые пятна. Вместе с Семеном пришел и летчик, который выглядел не лучше. Брови и ресницы его обгорели начисто, на щеке зиял кровоточащий шрам.

– Отделались легким испугом, Кондратий Филиппович, – смеялся Семен. – Бывает и хуже.

– Хуже было бы, – сказал летчик, – случись посадка на несколько минут раньше, не в лесу. Тогда, пожалуй, нам не миновать бы лап фашистских молодчиков.

– Но как вы не разбились? – удивился я. – Как вы посадили горящую машину в лесу?

– Откровенно говоря, – усмехнулся летчик, – я и сам не могу представить себе, как все произошло. Повезло... Я думал, что уже гроб... – Он помолчал, сдержанно улыбаясь, и добавил: – А конструктора «утенка» я бы расцеловал! Это не машина, а сущее чудо! Она словно специально сделана для таких передрыг. На любой другой нам был бы каюк...

– Самолет сгорел? – поинтересовался командир партизанского отряда.

– Дотла, – ответил летчик. – Жаль птичку. Уже третья сгорела с начала войны, а меня огонь не берет.

Когда ожоги Криворученко зажили, мы отправились по заданию.

Здорово тогда мы померзли, поголодали, и все, что ни ели, было несоленым. За щепоткой соли наши советские люди на оккупированной территории ходили за сотни километров.

Из второй ходки в тыл врага мы с Криворученко вернулись совсем недавно. И хотя уже стояло лето, поход оказался не менее трудным. На этот раз нам приказано было проникнуть в район, где не было партизан, и доставить радиостанцию разведывательной группе, проникшей на один из железнодорожных узлов. Мы пробрались через передовую на лесистом участке Западного фронта, углубились на оккупированную территорию и в условленном месте приняли на свои сигналы сброшенный с самолета парашют с прикрепленным к нему грузовым мешком. В мешке были рация, батареи, оружие, боеприпасы, различные продукты, но мы едва успели унести рацию и батареи. Все остальное досталось карателям, которые заметили нас и кинулись в погоню.

Мы попали в тяжелое положение. Еды не было. Был табак, но не было спичек. К счастью, у меня сохранилось увеличительное стекло, так что днем, при ясном солнце, можно было курить и разводить огонь.

Мы бродили две недели по лесным чащобам, измотались, изголодались. В конце концов нам удалось выполнить задание и на обратном пути собрать ценные разведывательные данные для нашего командования, но потом долго пришлось приходить в себя.

Эти две ходки в неприятельский тыл прочно скрепили нашу дружбу.

Между нами установилось то взаимное понимание, без которого немыслима работа разведчиков в паре и которое гарантировало нас от всяких случайностей. Я убедился, что Криворученко, одаренный природной смекалкой, обладает именно теми качествами, которые так дороги в разведке. Горячий и шумный, очень энергичный и деятельный, он отличался смелостью, выносливостью, мог переносить любые невзгоды, принаравливаясь к любой обстановке и, когда сталкивался с неожиданным, принимать смелые и остроумные решения.

Домик, в котором квартировал Криворученко, стоял на окраине города, над глубоким оврагом с крутыми склонами, поросшими ольшаником.

Оба склона оврага были изрыты небольшими пещерами с узенькими лавками, в них население укрывалось от бомбежки. Окруженный небольшим садиком, домик приветливо и доверчиво смотрел оконцами на улицу. В его старательно протертых стеклах плескалось утреннее солнце.

Меня встретила хозяйка Криворученко – седенькая тихая женщина. Она отказалась эвакуироваться из города и осталась хозяйничать по дому, заботясь о Семене, к которому привязалась, как к сыну.

Чистота и порядок, царившие в трех маленьких комнатах, были удивительными для этих суровых, беспокойных дней.

Стол под гладкой белой скатертью, кровати, застланные отглаженными кружевными покрывалами, тщательно вымытые полы, много цветов, приятный запах какой-то сушеной травы, и нигде ни паутинки, ни соринки.

– Хорошо у вас! – сказал я, присаживаясь на диванчик.

Хозяйка вздохнула и промолчала. На мой вопрос, где же Семен, ответила:

– По воду пошел. Сейчас явится... Да вот он идет.

В прихожей показался Семен. Он отнес ведра с водой на кухню и вернулся в комнату голый до пояса, босой и, как всегда, веселый.

– Завтракали, Кондратий Филиппович? – спросил он вместо приветствия.

– Не успел, – признался я.

– И отлично! – заметил Семен. – Пока мы будем говорить, мамаша нам что-нибудь сооразит. Пойдемте в сад...

Он вынес во двор байковое солдатское одеяло и расстелил на траве, в холодке. Мы прилегли и поначалу закурили.

Нам предстояло заранее обсудить, как мы найдем друг друга в тылу врага. Надо было разработать несколько вариантов связи, строго учитывая обстановку и режим в оккупированном городе, договориться о сигналах, условных знаках, паролях. Следовательно, определить четкую линию поведения Криворученко и радиста на первых порах после их прыжка с самолета. Наконец, наметить примерную точку, где они должны осесть.

Весь день мы говорили, чертили, спорили, соображали.

7. «Ахтунг, Панцер!»

Спустилась ночь, душная, пасмурная. Безрадостное, сплошь задернутое тучами небо нависало над лесом. Изредка на севере вскидывались сполохи, и после них становилось еще темнее.

Старенький, отживший все сроки пикап с трудом пробирался по ухабистой лесной дороге. Осторожно, как будто ощупью, водитель вел его на запад, в сторону переднего края, к участку, где мне предстояло перебираться через фронт.

Я и Семен Криворученко сидели друг против друга в открытом кузове, цепляясь за кабину, покачиваясь из стороны в сторону, дергаясь, подсакивая и съезжая с сидений, когда машину клонило набок или встряхивало.

Машина то и дело попадала в выбоины, садилась на дифер, с отчаянным визгом буксовала и, кое-как выбравшись, продолжала свой путь. Часто останавливались. Шофер на мгновение включал фары, освещал дорогу, затем вылезал из кабинки и, посвистывая, шел изучать препятствие.

Когда машина останавливалась, слышалось уханье далеких пушек, нас обступало множество лесных шорохов и звуков. Ночной лес жил своей жизнью, нашептывал что-то одному ему известное и нагонял тоску.

Верховой ветер, не приносящий прохлады, раскачивал вершины сосен, и они протяжно и заунывно поскрипывали.

Возвратившись, шофер молча садился за руль, долго заводил натруженный мотор, и мы вновь продолжали двигаться вперед, вглядываясь во тьму, окружавшую нас. Нелюдимо и жутковато было ночью в незнакомом месте.

– Разбойничья ночь! – проворчал Семен.

Я промолчал. Ночь и в самом деле была неприятная и тоскливая.

Даже говорить ни о чем не хотелось.

– Уж не заблудились ли мы? – сказал вдруг Семен. – Что-то долго ползем.

Я не ответил. Я не думал, что мы заблудились. Ехали мы, сокращая путь и выигрывая время, самой прямой и кратчайшей дорогой, которую показали нам на карте товарищи из разведотдела армии. Но как иногда получается, самая короткая дорога превращалась в самую длинную и то, что было так ясно и просто на карте, на местности выглядело необычайно запутанным и сложным.

Около двух часов ночи, с трудом преодолев большой участок лежневки – устланной тонким кругляком дороги через какое-то болото, машина сделала несколько поворотов, с пылением и посапыванием вскарабкалась на высоту и остановилась. Мотор вздохнул с хрипом раз другой и заглох. Запустить его вновь не удавалось, несмотря ни на какие усилия. Мы с Семёном улеглись в кузове и заснули. Наш шофер продолжал возиться. Проснулись мы, кажется, очень скоро от шума заработавшего мотора. Начинался туманный рассвет.

Только в два часа пополудни мы добрались до расположения нужной нам части.

Командир полка – широкоплечий, кряжистый, с открытым и простодушным лицом, немного тронутым оспой, – встретил нас приветливо, посмеялся над нашими блужданиями и немедленно усадил за стол. О цели нашего приезда он был предупрежден еще вчера утром офицером из штаба армии.

После простого, но сытного солдатского обеда, состоявшего из жирных щей и пшенной каши с ломтиками сала, мы заговорили о предстоящем деле.

– О вашем переходе кроме меня знают еще двое, – сказал комполка, – командир второго батальона и старшина одной из его рот. Оба они люди тертые и умеют держать язык за зубами. По-моему, в вашем деле – это самое важное.

Я кивнул. Он снял фуражку, вытер большим, похожим на салфетку, платком обильный пот с начисто обритой головы и уснул ординарца за кваском.

– Я все продумал, – вновь заговорил он. – Вам повезло. Складывается очень удачная обстановка. Видите ли, что получается, – он вынул из полевой сумки пухленькую карту-километровку, сложенную квадратиком, и бережно расстелил ее на траве, – немцы уже пять суток сряду перед рассветом пытаются выровнять вот этот клин и войти в деревеньку. Вот она. Этот клин не дает им покоя. Мы их не пускали, по зубам давали, а теперь пустим. – Он рассмеялся и подмигнул нам: – Понимаете? Пусть жалуют, потом жалеть будут. А вы в деревне спрячетесь. И ничего особенного в этом я не вижу, поверят: после отхода наших войск в деревне остался прятавшийся гражданский человек. Иногда так случается. Случай редкий, но вполне допустимый... Ну, а о чем и как с ними разговаривать, вы знаете сами, и не мне вас учить.

Он замолчал, так как подошел ординарец. Комполка взял из его рук солидную эмалированную кружку с квасом и выпил ее с жадностью.

Когда ординарец ушел, он продолжал:

– Я уверен, что они и сегодня сунут нос. Вот увидите. Заварушка начнется перед рассветом. Немцы – народ педантичный, они любят порядок: все по уставу, по графику... – Он задумался немного и добавил: – Полагаю, что все утрясется, и ничего советовать не буду. Советов на все случаи жизни не бывает. А теперь пойдемте, я вас познакомлю с комбатом. Да, кстати, посмотрите, так сказать, на театр будущих действий.

Он поднялся с земли, крепкий, сильный, оправил поясной ремень, гимнастерку, надел фуражку и обратился к Криворученко:

– А вам, мой друг, придется остаться здесь.

Криворученко встал. Он порывисто протянул руку и посмотрел мне в глаза. Все шло просто, по-деловому, как и должно идти. До этого нам с Семеном приходилось все время бывать вместе: мы вместе перелетали, вместе переходили линию фронта, вместе скитались по вражеской территории, вместе возвращались и отдыхали, а сейчас нас впервые разлучали.

Мне стало грустно. То же, видать, чувствовал сейчас и Семен. Оба мы шли в неизвестность, но шли врозь, предоставленные каждый себе. Он молча смотрел на меня, и его глаза как бы говорили: «Мы еще встретимся. Безусловно, встретимся. И сделаем все, что нужно. На меня ты можешь положиться».

– Что ж, Семен... – нарушил я затянувшуюся паузу. – Давай попрощаемся...

Криворученко шагнул ко мне и сильно обнял. Мы расцеловались.

– Добре! – заметил почему-то командир.

– До встречи, Кондратий Филиппович! – взволнованно проговорил Семен, трясая мою руку. – Я отыщу вас где угодно, хоть в аду. От всей души желаю вам успеха!

– И тебе тоже, – ответил я и предупредил: – Обязательно сделай два-три пробных прыжка с парашютом. Обязательно...

Обоих нас душило волнение.

– Да, да. Прыгну, не беспокойтесь... – заверил Криворученко и обратился к командиру. – Мне подождать вас?

– Да, лучше подождите, – отозвался тот. – Я быстро. Обратно поедете с моим человеком и уже блуждать не будете.

Я пошел следом за командиром и до того пенька, у которого тропинка сразу круто поворачивала, дважды обернулся.

Криворученко стоял у входа в землянку не двигаясь и провожал нас взглядом.

Через несколько минут на лесной тропе нас встретил небольшого роста, аккуратный и подтянутый командир второго батальона с капитанскими шпалами на петлицах. Я сразу обратил внимание на его сосредоточенно-хмурый вид. Ему, наверное, не было еще тридцати лет,

но черные волосы на висках уже поблескивали сединой. Темные, немного выпуклые глаза его смотрели спокойно, но в них таилась какая-то неизжитая боль.

Командир полка познакомил нас, и дальше мы пошли втроем.

Комполка на ходу задавал капитану вопросы по службе, тот отвечал коротко и деловито. Потом речь зашла о моем переходе, и комбат уверенно сказал, что, конечно, немцы и завтра утром вновь попытаются выровнять участок своей передовой.

Лес неожиданно расступился, и нашему взору открылась небольшая деревенька, вытянувшаяся вдоль косогора. По правую сторону понуро и жалко сутулились давно покинутые хозяевами рубленые домики, все казавшиеся на один лад, а по левую – тянулись погребов с присыпанными землей крышами. От деревни веяло нежилым духом. Сиротливо глядели пустыми окнами избы, от частоколов уцелели лишь торчащие колья, на крышах погребов буйно рос бурьян. И не красили обезлюдевшую деревню местами сохранившиеся резные коньки, петухи на крышах, наличники с затейливыми узорами на окнах.

Командир полка протянул руку вперед и сказал:

– Тут и облюбуйте себе местечко для ожидания. Лучше всего забраться в погребок. Надежнее. Но не прячьтесь, а стойте так, чтобы вас можно было сразу увидеть.

Я не понял.

– Видите, в чем дело... – объяснил комполка. – Я по опыту знаю, что гитлеровцы, занимая населенный пункт, как правило, закидывают погребов гранатами. Это надо помнить.

Я кивнул. Совет был полезный.

Комполка обратился к батальонному:

– Кто сейчас в моей прежней землянке?

– Старшина, сержант и парикмахер, – ответил тот.

– Ага... Вот там вы и поместите нашего гостя.

– Есть, – сказал комбат. – Я так и намерен был поступить.

Миновав деревню, мы вошли в лес и направились к большой землянке между четырьмя высокими, с пышными кронами соснами. Землянку покрывал свежий дерн, под ним – толстые бревна в три наката. Неожиданно прорвавшийся сквозь облака луч солнца, клонящегося к закату, яркой полосой лежал на переднем стояке.

Мы спустились в землянку.

Уже немолодой, с обвисшими рыжими усами старшина считал комплект летнего обмундирования, перекладывая его из одной груды в другую. При нашем появлении старшина бросил счет, вытянулся, привычным движением вскинул руку к лихо заломленной пилотке и по уставу представился.

Это был тот самый старшина, о котором говорил командир полка.

Он назвал себя:

– Пидкова.

Землянка была глубокая, просторная, с широкими и прочными нарами вдоль трех стен. Ее меньшая часть отделялась подвешенными к потолку плащ-палатками. Я заглянул туда: чисто, опрятно. На срубе висело зеркальце и несколько открыток, с которых смотрели знакомые лица киноактеров.

– Временного квартиранта к вам привел, – представил меня командир полка. – Это... гм... военный корреспондент. Прошу любить и жаловать.

– Так точно, – ответил старшина. – Я имею указание от товарища капитана.

– Как только фрицы начнут атаковать, – сказал комполка, понизив голос, – вам, старшина, поручается проводить товарища в деревню и выбрать там погреб понезаметнее.

– Есть проводить в деревню и выбрать погреб...

Мы покинули землянку. Командир полка распрощался со мной, пожал руку, пожелал удачи и, оставив меня на попечение комбата, отправился к себе.

– Есть не хотите? – осведомился капитан.

Я ответил, что уже обедал. Он помолчал, затем, глядя в сторону, тихо спросил:

– В первый раз идете туда?

Я пожал плечами.

– Да, да, – виновато сказал капитан. – Мне не следовало спрашивать. У каждого свое. Я только хотел сказать, что к таким вещам, наверное, трудно привыкнуть. Каждый раз должно казаться, что это в первый раз...

В его словах была правда. Несмотря на тренировку и уже приобретенный опыт, я и в этот раз шел на задание с таким же чувством, с каким шел впервые. Да иначе, видимо, и не могло быть. Очень мало сходного было во всех заданиях, непохожая обстановка и разные обстоятельства сопровождали каждому из них. Но я опять ничего не сказал. Мы присели на сваленную сосну, закурили. Мало-помалу угасал день, и уже исчез последний закатный луч солнца. Вечер был ясный, но быстро сгущались сумерки, заволакивая все вокруг.

Комбат сказал мне, что эти места – его родина, что вот пришлось воевать здесь – кто мог подумать! – затем он принялся подробно описывать прелести здешних мест...

В землянку я вернулся, когда стемнело и на небе высыпали звезды.

Налицо были все обитатели землянки: старшина Пидкова, маленький курносый сержант и миловидная, лет двадцати, девушка, оказавшаяся батальонным парикмахером. Они сидели за жиденьким столом, с кривыми, крест-накрест, березовыми ножками, и аппетитно уплетали из одного котелка крутую гречневую кашу.

– Як хочете исты, товарищ корреспондент, – предложил мне старшина, – то сидайте з нами вечеряти, а як ни, то видпочивайте.

Я есть не хотел и решил отдохнуть. Место мне было уже приготовлено: на нарах постланы две шинели, покрыты плащ-палаткой, а под голову вместо подушки положен противогаз. Я прилег и стал глядеть в низкий потолок землянки. Спать мне не хотелось, хотя в прошлую ночь, в дороге, я спал не больше двух-трех часов.

Старшина старательно облизал деревянную ложку, засунул ее за голенище сапога, выбрался из-за шаткого стола и сказал:

– Видтого козак и гладок, що поив, та и на бок.

Но он лег не сразу, а принялся оправлять коптилку, смастеренную из стреляной артиллерийской гильзы. Он отщипнул черный нагар, подправил фитиль, и в землянке стало чуть-чуть светлее. Затем он лег, а рядом с ним расположился и сержант.

Девушка принялась убирать со стола, что, видимо, входило в ее обязанности, и тут же запела песню про Катюшу. Она пела все один и тот же куплет, начало песни:

Расцветали яблони и груши,
Поплыли туманы над рекой.
Выходила на берег Катюша,
На высокий берег, на крутой...

Голос у нее был мягкий, грудной, показавшийся мне вначале приятным, но одни и те же слова песни, повторяемые раз за разом, действовали неприятно, вызвали досаду и раздражали.

Вначале я пробовал мысленно подпевать девушке, мне когда-то нравился мотив этой простой песенки, а потом у меня засосало под ложечкой, и я заерзал на своем жестком ложе.

А девушка все продолжала тянуть одно и то же. Это, видимо, вызывалось какой-то внутренней потребностью и доставляло ей удовольствие. Может быть, пение давало разрядку нервному напряжению.

Девушка уже сидела в своем уголке, и по тени на стенке я видел, что она расчесывает волосы.

Старшина не вытерпел.

– Марусь! – с тоской в голосе взмолился он. – Змины пластинку! Хай воны скажутся, твои яблони и груши. Душу прямо вывертае!

– Странный вы человек, товарищ Пидкова, – обиженно отозвалась девушка. – Даже песен не любите!

Старшина вздохнул и ничего не ответил.

– Вот товарищ корреспондент, – продолжала она, – не обижаются же...

Я сделал вид, что сплю, и промолчал, хотя чувствовал, что девушка рассчитывает на мою поддержку.

Тогда она обратилась к сержанту:

– Товарищ Катков, вас беспокоит мое пение?

– Я и не такое могу выдержать... – дипломатично ответил сержант.

Старшина захохотал и закашлялся. Я не вытерпел и тоже фыркнул.

Маруся умолкла. Наступила тишина. Из леса доносилось кваканье лягушек на болоте и унылые крики неведомой ночной птицы.

Я понимал, что мне надо уснуть, чтобы к утру чувствовать себя бодрым. Я попытлся уснуть, накрыл ухо фуражкой для уюта, плотно закрыл глаза, старался считать, но из моих попыток ничего не получалось. Сон, особенно нужный сейчас, не приходил. Слишком велико было нервное напряжение. Так случалось всегда, когда я не мог себе отчетливо представить, что ждет меня в ближайшие часы. Приходили и тут же мгновенно улечивались тысячи мыслей, и ни на одной из них я не мог сосредоточиться. Эти мысли утомляли и не давали спать. Иногда я впадал в тревожное забытие, потом вдруг вздрагивал от какого-то внутреннего толчка, всматривался в острый язычок пламени коптилки и опять лежал с открытыми глазами, вслушиваясь в тишину. А ее нарушали по-прежнему лишь кваканье лягушек и тоскливые птичьи выкрики.

Но почему птичьи?

Может быть, это кричит не птица? Может быть, это подают условные сигналы гитлеровские солдаты? Я напряженно вслушивался. Крик следовал через определенные интервалы, начинался с низкой ноты и кончался высоким, пронзительным воем. Я прислушивался и... незаметно уснул.

Проснулся я мгновенно от гулких и близких разрывов. В землянке стояла кромешная тьма и слышался голос старшины:

– Скорийше, товарищ! Переодевайтесь. Скорийше! Бой иде.

Я вскочил и мгновенно переоблачился в приготовленную заранее одежду – синюю косоворотку и старую ватную стеганку. Брюки на мне были солдатские, много раз стиранные, сапоги кирзовые. За пазуху сунул мятую шапку. Чтобы не смущать своим видом бойцов, я накинул на себя длинную плащ-палатку и плотно закутался ею. На этот «маскарад» ушло не более двух минут.

Откинув полог у входа в землянку, я увидел бледное, предрассветное небо. Старшина торопливо запихивал что-то в вещевой мешок и помигивал ручным фонарем.

– Берить ноги в руки и за мной!.. – скомандовал он и выбежал из землянки.

Я последовал за ним. Сердце гулко колотилось в груди, но бежать было легко – я словно не чувствовал веса своего тела.

Немцы вели беглый минометный огонь по расположению батальона.

Мины рвались слева, видимо в деревне, взметая комья земли, космы желтого огня, траву и кустарник. Сзади слышались автоматные очереди.

– Сюды... сюды! – звал меня старшина хриплым шепотом. – А то як раз пид вогонь сунемся... – И, круто взяв влево, он кубарем покатился в овраг, замеченный мною вчера.

Мы бежали по дну оврага, продираясь сквозь кусты орешника. Ветви хлестали по лицу. Над нами сверху уже строчили звонкие пулеметные очереди, глуховатые разрывы ручных гранат.

Старшина, за которым я следовал по пятам, стал карабкаться по крутому склону оврага. Добравшись до его края, он высунул голову, огляделся и подозвал меня. В нескольких метрах от нас виднелся погреб.

Старшина перевел дыхание, смахнул рукавом пот со лба и подал мне свою большую, теплую и влажную руку.

– Бувайте здоровеньки!.. Ховайтесь пошвидче у погреб. Воны зараз тут будуть... Счастливо!

Он скатился на дно оврага и исчез в орешнике.

Я остался один. Надо было скорее укрыться в погребе. Я скинул с себя плащ-палатку, отбросил ее подальше и вылез на край оврага. Я хотел было уже ползти вперед, как вдруг перед глазами вспыхнул ослепительный огонь. Гулко лопнула мина. Осколки ее со свистом разлетелись в стороны, не тронув меня. В ушах остался звон. Я приподнялся и на четвереньках преодолел расстояние, отделявшее меня от погреба. Потом быстро юркнул в распахнутую дверь и скатился по трухлявым ступенькам. В лицо пахло гнилью, сыростью и затхлым воздухом. Уже внизу я присел на корточки и почувствовал, как трясутся ноги.

В дверной проем лился бледный, утренний свет. Наверху раздавались хриплые крики, стрельба, тяжелый топот пробегающих людей, а в погребе было тихо, как под водой.

Потом грохнул взрыв, и на меня что-то посыпалось. Следом раздался второй, третий. Я вспомнил предупреждение командира полка о том, что гитлеровцы обычно закидывают погреба гранатами. Я не причисляю себя к робкому десятку, но тут сердце мое повело себя не особенно благоразумно. Ему, очевидно, показалось в груди тесновато и захотелось вырваться на свободу.

Я не то чтобы «праздновал труса», но, как выражался Семен Криворученко, немного «труханул». Это не зависело от разума, хотя и разум настойчиво подсказывал мне, что крайне нелепо погибнуть в погребе от вражеской гранаты. Поэтому я поднялся ступеньки на три, прижался к сырой земляной стене и стал ждать. Ожидание показалось мне бесконечно долгим.

Бой шел на убыль, минометный обстрел прекратился, да и автоматные очереди становились все реже. Наконец все стихло.

Я поднялся еще на одну ступеньку, и вдруг в дверях появились два гитлеровских солдата. Увидев меня, они отпрянули назад, вскинули автоматы.

И один из них испуганным тонким голосом закричал.

– Хальт!¹

Я замер на месте, невольно всматриваясь в лица врагов и ожидая, что они предпримут дальше. Наступил самый опасный момент. Эти обалдевшие от страха и злобы болваны могли без всяких разговоров тут же пристрелить меня.

– Хенде хох!² – приказал все тот же солдат, что был повыше ростом.

Второй добавил по-русски:

– Рукам гору!

Я вскинул руки и в свою очередь громко крикнул:

– Ахтунг, панцер!³

¹ Стой!

² Руки вверх!

³ Внимание, танки!

Солдаты недоумевающе переглянулись. Потом тот, что повыше, ухмыльнулся, дотронулся пальцем до своего лба и сказал:

– Дер ист воль феррюкт!⁴

– Ахтунг, панцер! – настойчиво повторил я, и собственный голос показался мне далеким, неестественным, принадлежащим кому-то другому. – Гауптман Гюберт!

Гитлеровцы вновь переглянулись.

– Мне нужен гауптман Гюберт, – сказал я.

– Раус!⁵ – бросил мне высокий и, видя, что я не понимаю его команды, жестами предложил мне выйти наружу. – Шнель раус!..⁶

Я поднялся наверх. Ко мне уже вернулось самообладание, сердце перестало частить, ноги твердо стояли на земле. Самое опасное, кажется, миновало. Если они меня не убили сразу, то теперь, наверное, не станут этого делать. Итак, я уже в стане врагов.

Высокий солдат взял из рук своего товарища автомат, отступил на несколько шагов и предложил ему:

– Лейбес визитацион!⁷

Второй подошел ко мне вплотную, быстро вывернул мои карманы и вытряхнул из них пачку папирос, спички, перочинный нож, зеркальце, расческу, носовой платок, мелкие деньги. Высокий рассовал все по своим карманам.

Затем последовала команда: «Марш!» – и меня подтолкнули.

Когда я сделал несколько шагов, сзади раздался взрыв: один из немцев бросил гранату в погреб, где я скрывался, опасаясь, видимо, что там мог быть еще кто-нибудь.

Мы обошли деревеньку, не встретив на пути ни одного человека, вошли в лес, перебрались по шаткому мостику через протоку с черной водой, спустились в пустой ход сообщения, глубокий, в полный рост человека, и наконец вышли в тыл гитлеровской части.

Тут царило оживление – волокли станковые пулеметы, минометы, несли на носилках раненых. Вокруг офицера стояли несколько солдат, и он отрывистыми фразами давал им какие-то указания.

Мы проследовали дальше, не вызвав к себе никакого интереса, и остановились возле землянки с толстенным бревенчатым покрытием.

Высокий конвоир куда-то ушел, а второй остался сторожить меня. Он уселся на крышу землянки, свесил ноги и закурил.

На востоке, за стеной леса, небо становилось все румянее и вот-вот должно было показаться солнце. Негустой туман плыл над поляной, по которой сновали немцы.

В землянку один за другим забежали четыре солдата и, побыв там немного, выскочили.

И до чего же смешно мне было после вспоминать о своих нелепых думах в эти минуты ожидания! Я только что избег смертельной опасности.

Еще полчаса назад нельзя было предвидеть, что со мною будет. Я оказался в совершенно новой для себя обстановке. Правда, мне не раз приходилось бывать в тылу врага. Но я бывал либо один, либо со своими, и если входил в соприкосновение с фашистами, то только для того, чтобы бить их, стрелять в них... Сейчас я находился среди врагов как пленный, но вместе с тем и как «свой» – по той роли, которую я с этого момента уже должен был играть. Сейчас все зависело от каждого моего слова, поступка, движения, мимики... А на какой мысли я сейчас себя ловил? Я думал... о своем перочинном ноже, который попал в карман высокого солдата. Смешно, но это так: думал о ноже, сожалел, что захватил его с собой в эту ходку и потерял

⁴ Наверное, сумасшедший!

⁵ Выходи!

⁶ Выходи быстрее!..

⁷ Обыщи его!

навсегда. Нож этот мне подарил начальник связи полка еще в финскую войну. Вернее не подарил, а дал взамен портсигара, полученного от меня. И ничего особенного этот нож не представлял собой – обычный нож, каких сотни и тысячи, а мне было жаль с ним расстаться...

Ожидание возле землянки затянулось. Мой караульный принялся уже за вторую сигарету, а я, глядя на струйки табачного дыма, глотал слюнки. Хотелось курить и хотелось есть. Я знал по опыту, что голод возвращается вместе со спокойствием и уверенностью в себе. Я пожалел, что отказался вчера ночью от гречневой каши, предложенной старшиной.

Наконец вернулся высокий солдат, и меня сейчас же толкнули в землянку.

За столом, сложенным из снарядных ящиков, сидел младший лейтенант, окруженный множеством телефонных аппаратов. Они попискивали на разные голоса, и этот лейтенантик едва успевал хватать трубки. Он почти ничего не говорил, а только называл себя и что-то записывал в толстую тетрадь.

Мне показали на перевернутый ящик. Я сел. Конвоиры вышли, а вместе с ними безвозвратно исчез и мой перочинный нож. Я вспомнил о нем в последний раз и еще раз пожалел, что взял его с собой.

Прошло, должно быть, еще минут двадцать, прежде чем в землянку ввалился тучный обер-лейтенант с бледным жирным лицом и трубкой во рту. Он прилично владел русским языком и приступил к допросу. Узнав, что я иду на встречу к гауптману Гюберту, и услышав пароль, он понимающе подмигнул и поинтересовался, как удалось мне так удачно проскочить на их сторону. Я объяснил, что три дня ждал в деревне, в погребе, удобного случая для перехода. Обер-лейтенант спросил мою фамилию, имя, отчество, возраст и записал ответы в записную книжку.

Младший лейтенант не обращал на нас никакого внимания – телефоны одолевали его.

– Подождите меня здесь, – сказал обер-лейтенант, собираясь покинуть землянку.

В эту минуту тишину на передовой сменила пальба. Дружно застучали пулеметы, захлопали мины, густо застрекотали короткие автоматные очереди.

Обер-лейтенант прислушался, приподняв белые брови, пососал потухшую трубку и, бросив мне: «Я сейчас», быстро вышел из землянки.

Бой разгорался, огонь усиливался, и мне вспомнились слова командира полка: «Пусть жалуют, потом жалеть будут».

Минут через десять – пятнадцать обер-лейтенант, потный и задыхающийся, ввалился и предложил мне следовать за ним. Мы не шли, а бежали лесом: обер-лейтенант впереди, а я следом, пока не выбрались на дорогу. В стороне от дороги стоял испятнанный маскировкой лимузин «Адлер».

Обер-лейтенант усадил меня на заднее сиденье, рядом с каким-то полусонным лейтенантом, а сам пристроился возле шофера.

Машина тронулась и побежала на запад.

У самой переправы через реку нас догнал мотоциклист. Он промчался вперед, соскочил с седла и поставил мотоцикл поперек дороги. Мы остановились. Обер-лейтенант открыл переднюю дверцу. Мотоциклист передал ему объемистый пакет и сказал по-немецки:

– Русские отрезали наших в деревне. Майор убит.

– Доннер веттер! – выругался обер-лейтенант и в сердцах сильно хлопнул дверцей.

Дремавший лейтенант произнес только одно слово:

– Ферфлюхт!⁸ – и вновь задремал.

Машина понеслась по накатанной дороге, поднимая за собой облако пыли.

⁸ Проклятие!

Я не знал, куда меня везут, и не хотел обращаться с расспросами к обер-лейтенанту. Я знал только, что углубляюсь в логово врага и что каждый оборот колеса приближает меня к Гюберту и его «осиному гнезду».

8. Человек со шрамом на лбу

Ночь тянулась томительно, казалось, что ей не будет конца. Машина медленно пробиралась по лесной дороге. Я уже потерял представление о времени и не делал больше попыток уснуть.

А мой сосед, очень флегматичный и неразговорчивый субъект, не терял времени понапрасну и спал. Правда, спал он довольно чутко: стоило машине остановиться хотя бы на минуту, как он просыпался и осведомлялся, приехали ли мы наконец на место или все еще находимся в пути. Но стоило машине тронуться, как он вновь погружался в сон, и его похрапывание вторило урчанию мотора.

Наконец на одной из остановок обер-лейтенант, не сказав ни слова, покинул свое место и, сделав шаг от машины, растворился в темноте.

Шофер тоже вышел, откинул капот и принялся возиться в моторе.

Сосед мой проснулся, зевнул и спросил по-немецки:

– Кажется, приехали?

Никто ему не ответил.

Он поерзал на месте, побряхтел и опять завалился на бок.

Я открыл дверцу и вышел. Машину плотно обступал лес. Я всмотрелся в темноту и через некоторое время заметил очертания двух небольших домиков, проступающие на фоне леса сероватыми пятнами. В одном из них сквозь неплотную маскировку пробивался чахлый огонек.

От долгой и почти непрерывной езды шумело в голове. Тело ныло от усталости. От голода сосало под ложечкой, хотелось курить... «По-свински обращаются со своими кадрами господ гитлеровцы», – подумал я усмехнувшись.

Знобкий ветерок, предвестник осени, шелестел по лесу. Я решил уже вернуться в машину (в ней было теплее), но тут показался обер-лейтенант и предложил следовать за ним.

Мы направились к домикам. Возле одного из них бродил часовой. Обер-лейтенант вполголоса сказал ему что-то, и мы вошли в дом.

Дом состоял из одной просторной комнаты и освещался плашками.

Воздух был наполнен копотью, сигаретным дымом и запахом давно не мывшихся людей. В комнате находилось четверо немцев – все солдаты.

Один из них разговаривал по телефону, а остальные вытянулись, отдавая честь вошедшему офицеру.

Когда солдат у стола положил трубку, обер-лейтенант обратился к нему:

– Ну выяснили?

– Так точно. Продолжать путь дальше на машине невозможно. Дорога никуда не годится. Приказано отправить утром на подводе.

– На какой подводе?

– Подвода пойдет от нас в город за продуктами.

Я сообразил, что речь идет о моей дальнейшей транспортировке.

Обер-лейтенант подтвердил мою догадку, сказав:

– Завтра утром вас доставят к гауптману Гюберту. Тут уже недалеко.

Я кивнул головой.

– Леген зи зихь! Руен зи зихь аус! – обратился ко мне солдат.

Я сделал вид, что ничего не понял, недоуменно пожал плечами и посмотрел на обер-лейтенанта.

Тот сказал мне по-русски:

– Ложитесь на скамью и отдыхайте до утра.

Ничего другого в эту минуту я и не хотел. Войдя в душную комнату, я сразу почувствовал страшное утомление и неодолимую потребность лечь.

Не ожидая вторичного приглашения, я направился к узкой скамье, врезанной в бревенчатую стену, и улегся.

Обер-лейтенант и солдат разговаривали. Речь шла о заправке машины на дальнейший путь и о заезде куда-то. Обер-лейтенант сказал, что ему потребуется не меньше тридцати литров бензина. Солдат ответил, что бензин выдаст, но попросил расписку.

Обер-лейтенант вынул из офицерской сумки блокнот, написал на листочке оправдательный документ и вручил его солдату. Затем они вместе покинули комнату.

Почему я до сих пор помню эти ничтожные мелочи? Видимо, несмотря на страшную усталость, автоматически действовал мозг разведчика: он фиксировал каждое слово, каждое движение вокруг...

Трое оставшихся солдат тихо, вполголоса говорили. На меня наваливалась дремота, но все же и полусонный я уловил фамилию Гюберта.

Усилием воли я заставил себя вслушаться в разговор и понял, что гауптман Гюберт еще не вернулся и его ожидают под утро.

Мысли мои путались, я погружался в приятную теплоту, и сон быстро одолел меня. Спал я беспокойно. Напряжение прошедших суток сказывалось. Я видел бесконечную вереницу тяжелых бредовых снов. То мне чудилось, что я окружен где-то в городе кучкой гестаповцев. Им якобы отлично известно, кто я. Они смеются мне в лицо. Потом они опутывают меня толстой и жесткой веревкой и толкают в спину раз, другой, третий, наконец мои ноги теряют опору, я лечу куда-то в бездну и с придушенным криком просыпаюсь. Солдат, который дежурит за столом у телефона, смотрит на меня, трое остальных храпят на скамьях вдоль стен. Я лежу несколько секунд с открытыми глазами и засыпаю вновь. И вновь меня давят кошмары.

Проснулся я от толчка. Передо мной стоял пучеглазый солдат. Жестами он предлагал мне подняться. Я вскочил. Уже занималось неяркое утро. Оба окна были настежь открыты, и комната наполнена прохладой.

Солдат жестами пригласил меня к столу. Я выпил какую-то бурду, напоминающую кофе, и съел две твердые галеты.

Затем мы вышли из дома. В лесу деловито, по-хозяйски постукивал дятел и звонко перекликались иволги. Я быстро осмотрелся. Домики, рубленные из сосновых бревен, стояли на краю просторной поляны.

Солдат вывел из сарая пару тяжелых лошадей с мохнатыми ногами и впряг их в укрытую под навесом повозку. Два других солдата сидели на крылечке и острили, покатываясь со смеху. Их громкий смех и взвизгивания врывались в торжественную тишину окружавшего нас чудесного лесного утра. Я прикусил губу...

Под застрехой навеса шумно копошились и отчаянно чирикали воробьи. Пучеглазый солдат ткнул в застреху штыком, и оттуда сорвалась испуганная воробьиная ватага.

Мы тронулись.

Повозка запрыгала по лесной кочковатой дороге. Я подложил под себя побольше влажного свежескошенного сена, уселся поудобнее и стал разглядывать своих спутников.

Это была все та же тройца солдат, которая ночевала в избе. Все они были по виду нестрелевые и, наверное, обозники. У того, что правил лошадьми, запомнилась мне широченная, жирная спина и отвислые плечи.

Пучеглазый, разбудивший меня, был худ и тщедушен. У него было желтое лицо, и он производил впечатление больного человека. Никто из них не обращал на меня никакого внимания.

Восход солнца застал нас в пути около небольшого болотца. Над ним держался плотный голубоватый туман, сквозь который пробивались солнечные лучи. В болотце плескались нырки.

Дорога спустилась в низину, под копытами лошадей захлюпала грязь.

За поворотом дороги открывалась лесная опушка. Тут устроили привал. Расположились, не выпрягая лошадей, у давно покинутого избяного сруба. Сруб стоял, как отшельник, у стены леса, покосившийся, посеревший, обросший мхом, с прогнившей щепной крышей. Рассохшаяся дверь висела на одной петле, вместо окон зияли проемы.

Я заглянул в нутро сруба. Общипанная старая ворона, хозяйничавшая там, с тревожным криком метнулась в оконный проем, перепугав солдат.

На опушке, залитой еще холодным солнечным светом, мы почистили обувь и привели в порядок свою одежду.

Меня угостили сигаретой, и я закурил – впервые на чужой стороне.

Потом мы вновь уселись в повозку и тронулись дальше.

Лес все больше дичал и приобретал мрачно-торжественный вид.

Густые, пышные кроны сосен сплетались вверху, образуя подобие плотного, почти непроницаемого шатра, сквозь который с трудом пробивались лучи солнца. В таких местах и в самый солнцепек царят полумрак и прохлада.

Пошла песчаная дорога. Она вилась между медно-красными стволами, делая замысловатые повороты.

Из слов, которыми обменивались солдаты, я понял, что недалеко до жилья. И верно: вскоре лес стал редеть, в просветах между деревьями замелькали строения. Лошади приободрились и перешли на рысь.

На развилке дорог повозочный решительно свернул влево и вывез нас на светлую, большую поляну. Я увидел несколько больших рубленых домов, тесно сбившихся в кучку и обнесенных тремя рядами колючей проволоки.

На ней были развешаны фанерные дощечки с крупными надписями: «Ахтунг! Минен!» – «Внимание! Мины!»

Повозка остановилась у ворот, возле которых прогуливался часовой.

Над воротами висели таблички: «Вход воспрещен!», «Предъяви пропуск!» и небольшая аккуратная вывеска. На ней желтым по черному было написано: «Форстерей» – по-немецки и «Лесничество. Опытная станция» – по-русски.

«Странное лесничество», – подумал я.

За домами и за проволочной оградой виднелся детский гимнастический городок: невысокий турник, горка, шведская лесенка, столб для гигантских шагов, а за городком начинались густые заросли красного папоротника. Над крышами домов провисала длинная радиоантенна. Я смотрел, стараясь запомнить каждую мелочь.

Пучеглазый солдат вступил в переговоры с часовым. Тот дернул за конец проволоки, болтавшейся на воротах, и где-то мелодично забренчал колокольчик.

Я спрыгнул с телеги, прошелся и почувствовал, что ладони рук стали влажными. «Нехорошо, – подумал я. – Это признак волнения, а волноваться мне не полагается. Подтянись, держись молодцом!» Я был твердо уверен, что нахожусь у ворот «осинового гнезда». И я не ошибся.

В ответ на звон колокольчика последовал резкий свисток, и часовой пропустил пучеглазого на территорию «Опытной станции».

Солдат поманил меня рукой, и мы, пройдя за проволочную ограду, подошли к большому дому. Зеленый пышный лишайник, напоминающий жатый бархат, густо покрывал его нижние венцы. Солдат открыл на себя тяжелую дверь, обитую войлоком, пропустил меня вперед и вошел следом. Мы оказались в просторной, чисто подметенной комнате с голыми бревенчатыми стенами. У окна за столом сидел плотный унтер-офицер, занятый делом, которое его,

видно, очень занимало: ученической ручкой с пером он гонял по столу большого жука-носорога. Жук пытался удрать, но унтер его не пускал. Выведенный из себя жук злился, временами останавливался, свирепо топорщил надкрылья и поднимался на дыбки, издавая при этом какой-то шипящий звук. Унтера это очень радовало. Он так увлекся травлей жука, что даже не обернулся при нашем появлении.

Писк телефона прервал его развлечение. Он схватил трубку, вскочил с места, загремев стулом, и, оглянувшись на меня, отбарабанил кому-то:

– Хир унтер-офицер фон динст Курт Венцель... Яволль, эр ист хир. Цу бефель!⁹

Он подошел ко мне и принялся выворачивать мои уже до него опустошенные карманы.

Я не услышал скрипа двери и шагов, и поэтому невольно вздрогнул, когда позади раздался глуховатый, словно из сундука, голос:

– Это вы, что ли, к господину Гюберту?

Вопрос был задан по-русски.

– Так точно, – ответил я и обернулся.

Передо мной стоял, широко расставив тонкие ноги, обтянутые бриджами, хлипкий пожилой человечек довольно уродливого сложения.

Измятый мундир топорщился на нем. Лицо человечка с большим лбом и водянисто-мутными глазами было вдоль и поперек изрезано глубокими морщинами. Руки он держал в карманах.

Я смотрел на него, а он бесцеремонно, с любопытством разглядывал меня.

Покачиваясь с пяток на носки и склонив набок свою маленькую головку, он задал второй вопрос:

– Где вы ночевали?

Я оглядел короткие голенища его сапог, едва доходившие до икр, и ответил, что спал в лесу, в какой-то избе.

– Ага... – протянул человечек. – Понятно... Пойдемте, я вас проведу.

Я сразу определил по его речи, что имею дело с русским. Кем он был, как сюда попал, какую роль выполнял, пока было трудно сказать.

Предатель, по всей видимости.

Мы вышли, оставив унтера с жуком и пучеглазым солдатом, моим конвоиром.

Пересекая наискось небольшой двор, я заметил, что дома – их насчитал шесть – стоят в определенном порядке, образуя нечто вроде буквы П, и что, кроме домов, здесь сохранились и всякие подсобные служебные постройки.

Дом, к которому меня подвел человечек, стоял на высоком кирпичном фундаменте, был обшит тесом, украшен желтыми резными наличниками и выглядел свежее остальных.

Внутренне волнуясь, я следовал за своим провожатым. Ведь я был у самой цели своего путешествия. От того, какое впечатление я произведу с самого начала, должно зависеть многое.

Мы поднялись по ступенькам на крыльцо, обнесенное перилами, миновали прихожую. Пол ее был застлан ковром, на круглом столике, покрытом цветной бархатной скатеркой, стоял графин с водой, к глухой стене прижался диван. В первой комнате, видимо столовой, я успел разглядеть большой стол, окруженный стульями, посудный шкаф, картины на стенах. В следующей комнате за письменным столом стоял немецкий офицер в чине капитана, в полной военной форме. Я взглянул на него и только невероятным усилием воли сохранил на лице маску равнодушной готовности ко всему, которую напялил на себя со вчерашнего утра.

Передо мной был не кто иной, как «Вилли», тренер футбольной команды, о котором рассказывал полковник Решетов. Шрам! Шрам на лбу, идущий к левой брови...

⁹ Дежурный унтер-офицер Курт Венцель слушает... Так точно, он здесь. Есть!

Несмотря на уже значительный опыт в разведывательной службе, меня всегда поражали такие совпадения, когда в известной степени умозрительные, еще не проверенные агентурные данные вдруг воплощались в реальную действительность. Какое-то сообщение мало осведомленного человека, сделанное когда-то, вдруг облекалось в плоть и кровь. «Вот что значит особая примета для разведчика!» – мелькнуло у меня в голове.

Гауптман пронизывающе смотрел на меня прозрачными, стального оттенка, блестящими глазами. Взгляд у него был режущий, твердый.

Я ждал.

Наконец гауптман Гюберт – а это был он – произнес по-немецки первую фразу:

– Что вам угодно здесь?

Я пожал плечами и сделал вид, что не понял ни слова. Гюберт продолжал сверлить меня холодным взглядом. Потом он вышел из-за стола, прошелся по комнате, внимательно осмотрел меня сбоку, сзади и уже по-русски спросил:

– Каким языком владеете?

– Кроме русского, никаким, – ответил я.

Гюберт остановился против меня. Теперь я рассмотрел его лучше.

Он был старше меня, высок, статен и, надо отдать должное, даже красив. У него было удлиненное лицо с высоким лбом, немного тяжелый подбородок, надменные, со злым и острым изломом брови, прямой нос, тонкие, резко очерченные губы и суровые линии у рта. Хорошо приглаженные волосы были разделены косым пробором. Весь облик гауптмана говорил о воле и решительности.

Подойдя к столу, Гюберт вынул из портсигара сигарету, закурил.

Все это он проделал размеренными движениями человека, вполне уверенного в себе. Несмотря на высокий рост, походка его была мягкой и гибкой, даже несколько крадущейся.

– Чем могу служить? – спросил он, элегантно вынув папиросу изо рта.

– Я к вам от господина Саврасова.

Гюберт искусно изобразил на лице недоумение и, прищурив один глаз, поинтересовался:

– От какого Саврасова?

«Начинается... – подумал я. – Начинается экзамен на разведчика».

– От того инженера Саврасова, к которому вы послали Брызгалова, – пояснил я.

Гюберт продолжал курить, смотрел на меня с непроницаемым лицом и после новой, долгой паузы спросил:

– Вы знаете Саврасова?

– Да.

– Брызгалова?

– Тоже.

– Кого же вы узнали раньше? – и я почувствовал режущий взгляд его глаз.

– Брызгалова. Он послал меня к Саврасову.

– Когда вы появились на нашей стороне?

– Вчера на рассвете.

– Каким путем?

– Отсиделся в деревенском погребе и перешел передовую по паролю: «Ахтунг, панцер! Гауптман Гюберт!»

– С приключениями?

– Без приключений.

Гюберт ставил вопросы резко, точно командовал. Я старался отвечать на них возможно быстрее и лаконичнее.

– Вас допрашивали?

– Да. Со мной говорил офицер на передовой, владеющий русским языком.

Гюберт сдвинул брови и отдал распоряжение моему провожатому:

– Полный туалет, новую экипировку, накормить – и ко мне...

Это он сказал по-немецки.

– Пойдемте, – пригласил меня провожатый.

– Беседу продолжим, – предупредил Гюберт.

«Кажется, не поверил ни одному моему слову, – подумал я. – Самое страшное впереди».

Но хорошо, что дана передышка. Любая передышка давала мне возможность подумать, взвесить вопросы, сопоставить их, попытаться уловить их общую тенденцию. Что ж, скрестим шпаги, поборемся. Хотя... эта же передышка продолжала держать меня в крайнем напряжении.

Мой провожатый отвел меня в домашнюю баньку, где я отлично помылся. Затем я облачился в чистое трикотажное белье, надел подобранный по росту синий шевиотовый костюм («Как у Брызгалова», подумал я), получил демисезонное драповое пальто, полдюжины носовых платков, две пары белья, несколько галстуков, кепи, фетровую шляпу и шерстяной шарф. Долго не мог подобрать ботинки – все были велики, но в конце концов подобрал и их.

Меня побрили, подстригли и отвели в столовую. Я с удовольствием позавтракал, уничтожил добрый кусок ветчины, порцию горохового супа с сосисками и запил все кружкой сносного кофе.

После завтрака тот же провожатый сразу отвел меня к Гюберту. На этот раз хлипкий человек ограничился тем, что ввел меня в комнату, и тут же ретировался.

Мы остались с глазу на глаз.

И вот тут, кажется, начался настоящий разговор.

Гюберт усадил меня против себя и спросил:

– Ваша настоящая фамилия?

– Хомяков.

– Расскажите подробно, как вы перешли линию фронта?

Я подробно рассказал.

– Что просил передать Саврасов?

Я передал информацию, полученную от Саврасова (предварительно прошедшую цензуру полковника Решетова), и добавил, что Саврасов просил передать привет от Виталия Лазаревича.

– От какого Виталия Лазаревича?

Хотелось сказать, что от того, которого Гюберт знает лучше меня, но ответил, конечно, другое:

– Это мне неизвестно.

– Почему Саврасов решил послать ко мне вас? – полюбопытствовал Гюберт.

– Меня послал не Саврасов, а Брызгалов.

– Слушаю, говорите, – потребовал Гюберт.

Я объяснил, что Брызгалов не мог вернуться обратно по обстоятельствам, от него не зависящим. Он приземлился благополучно, в подходящем, безлюдном месте спрятал парашют и удачно выбрался из зоны приземления. Он шел уже по маршруту, но через три дня его постигло несчастье. Стремясь побыстрее добраться до Урала, где жил и работал Саврасов, Брызгалов на станции Лебедянь пристроился на товарный поезд.

Этой же ночью около одного из разъездов поезд подвергся налету немецких бомбардировщиков. В вагон, на тормозной площадке которого ехал Брызгалов, угодила бомба. Брызгалов получил тяжелое ранение и контузию: ему перебило осколком ногу выше колена; вместе с другими его подобрали и увезли в Москву, в больницу.

Гюберт потер переносицу, подумал и спросил:

– Долго ему придется лежать?

– Пожалуй, да.

– Документы его уцелели?

– И документы и деньги. Деньги были в крупных купюрах, занимали мало места, и его мешок не привлек к себе внимания.

Я хотел добавить еще что-то, но Гюберт перебил меня:

– Откуда вам известны все эти подробности?

– От самого Брызгалова.

– Но вы же заявили при первой беседе, что не знаете его!

Я сообразил, что Гюберт пытается запутать меня. Я отлично помнил каждое сказанное слово. Поэтому я разрешил себе усмехнуться и спокойно проговорил:

– Вы ослышались. Я не мог так заявить. Ведь меня прислал Брызгалов.

– Допустим, – заметил Гюберт (к чему это относилось: к тому, что он ослышался или что Брызгалова я знаю, – предоставлялось судить мне).

– Как вы его узнали?

Вот тут мне и пришлось во всех подробностях изложить подготовленную нами версию. Смысл ее сводился к тому, что Брызгалов, еще до войны знавший меня по некоторым «общим делам», вызвал меня из больницы через смазливую санитарку и попросил съездить к Саврасову. Он вручил мне часть фотокарточки, передал пароль и пообещал по возвращении пять тысяч рублей. Предложение показалось мне соблазнительным, я отправился на Урал, встретился с Саврасовым, получил от него информацию и вернулся. Тогда Брызгалов предложил мне перейти линию фронта, что отвечало моим тайным желаниям.

– И вы согласились? – спросил Гюберт прищурившись.

– С Брызгаловым шутки плохи, – сказал я. – И потом... мне угрожала мобилизация в армию.

– Он дал вам деньги?

– Нет, – сердито ответил я. – Он послал меня к вам и сказал, что со мною расплатитесь вы.

– Но ведь вы знали, что у него есть деньги?

– Он сказал, что должен передать их Саврасову. И он поклялся, что вы заплатите вдвое больше, если я доберусь до вас. Он даже хотел дать записку, но потом передумал: опасно...

Гюберт помолчал, кривя рот в усмешке и разглядывая меня.

– Он мне соврал? – спросил я.

Гюберт встал, вышел из-за стола, пересек неслышно комнату и остановился у окна. Он о чем-то думал.

Я ясно оценивал положение свое и Гюберта. Я был в более выгодном. Чтобы обстоятельно проверить меня, требовалось долгое время. Очень долгое. А временем в условиях войны Гюберт не располагал.

Он стоял в молчании несколько долгих минут, потом прошел на свое место и задал новые вопросы: кто я, чем занимаюсь, где служу, как оправдаю свое отсутствие на службе, когда вернусь домой.

Я рассказал о себе все, что требовалось, и объяснил, как думаю оправдать свое отсутствие. Я подчеркнул, что эта версия разработана вместе с Брызгаловым и сводится к следующему. По долгу службы мне часто приходится выезжать на дистанции. Недавно мне поручили выехать на один из прифронтовых железнодорожных узлов для работы в бригаде специалистов по устранению неполадок, мешающих продвижению грузов к фронту. Я поехал и исчез. А потом, когда вернусь, расскажу на службе, что немцы предприняли на этом участке наступательные операции, и я оказался у них в тылу. Во избежание плена, пользуясь теплой погодой, я вынужден был некоторое время скрываться в лесу вместе с другими окруженцами. Мы дождались удобного момента и перешли на свою сторону. Никто сейчас не в состоянии проверить моих показаний, и мне должны поверить на слово.

Гюберт выслушал меня не прерывая, вынул из стола свернутую карту, подал мне и сказал:

– Покажите этот железнодорожный узел.

Я развернул карту и, увидев немецкие надписи, сказал:

– Мне по ней трудно ориентироваться. Нет ли у вас русской?

Конечно, у него оказалась и русская. Он достал ее, и я показал ему железнодорожный узел, действительно оставленный недавно нашими войсками.

Гюберт угостил меня сигаретой. Сигарета была крепкой. Легкий туман заволок мой мозг; можно было подумать, что она чем-то начинена.

– А как у вас относятся к людям, которые невольно, вот так, как вы, попадают на неприятельскую сторону, а потом спустя некоторое время возвращаются? – с оттенком иронии спросил Гюберт.

Беседа, продолжавшаяся уже второй час, начинала приобретать острый характер.

– К сожалению, косо смотрят, – ответил я. – В старые времена это считалось в некотором роде геройством. К таким людям относились, как и к попавшим против воли в плен, довольно снисходительно. Сейчас же другое дело.

– На вашей служебной карьере это не отразится?

– Не думаю. Теперь много окруженцев. Я вернусь в полном порядке, сохранив документы. Кроме того, что мне до карьеры? Я ведь по чужому паспорту, долго это продолжаться не может. Плевал я на их карьеру!

– А Саврасов сидит прочно?

– Как я его понял, довольно прочно.

Гюберт постучал по столу пальцами с выхоленными отполированными ногтями и предложил новый вопрос, к которому я был подготовлен.

– А какие у вас разногласия с Советской властью? В чем вы не ладили? Почему вы решили вдруг стать нашим другом? – спросил он.

Я помедлил с ответом. Потом, раздумывая, сказал:

– Да никаких особенных разногласий не было...

– То есть?

– Так, не было. Мне просто нет до них дела. Это политика. А я всегда держался дальше от политики. Самое главное – деньги. Я их старался делать. При Советской власти дельцом трудно быть. А мне нравится быть деловым человеком, знаете ли. Крупные барыши, вообще частная инициатива... Пришлось пуститься в рискованные операции, привлечь брызгаловскую публику...

– Охотились за железнодорожными грузами? – усмехнулся Гюберт.

Я промолчал.

– Так... хорошо, – сказал Гюберт и решительно поднялся.

Я тоже встал и понял, что беседа окончена. Да и пора уже было.

– Вам придется все, что вы мне сказали, – предупредил он, – изложить письменно.

Я кивнул.

Гюберт снял трубку телефона и потребовал к себе обер-лейтенанта Эриха Шнабеля. Положив трубку, он сказал:

– До города недалеко, с километр, но я поселю вас здесь.

– Как вам угодно, – заметил я.

– Так будет и вам и мне спокойнее. Но со временем я разрешу вам бывать в городе. Это совсем не вредно.

– Хорошо, – согласился я.

– Вы бывали в этом городе?

– Да, раза два-три, но очень давно.

– Примерно?

– Лет десять назад.

– Тогда это не страшно.

Вошел обер-лейтенант и вытянулся перед Гюбертом. Гюберт приказал ему поместить меня в отдельную комнату, зачислить на довольствие, обеспечить бумагой, ручкой, чернилами, выдать несколько пачек сигарет и тут же очень спокойно, не меняя выражения лица, добавил по-немецки:

– Повесить его. Сегодня же ночью. Я ему ни в чем не верю.

– Явольль, герр гауптман!¹⁰ – ответил обер-лейтенант.

Призвав на помощь всю свою волю, я поклонился Гюберту и, повернувшись, пошел к выходу. Ноги мои двигались автоматически, независимо от желания и воли.

«Повесить! Сегодня же ночью повесить!...» Удар был неожиданный и страшный. И это после того, как разговор принял вполне дружелюбный характер.

Мы вышли, пересекли двор и оказались в столовой, где я уже завтракал. Мне подали обед, но я не хотел есть. На несколько минут я поддался настроению, вызванному безвыходностью своего положения. Поддался внутренне. Внешне я, кажется, «не терял вида». А это главное. Натренированные нервы не выдали. Я беру себя в руки. Ведь я «ничего не понял». Это – основное правило моего поведения здесь. Все должно выглядеть так, будто я действительно ничего не понял, не подозреваю. Я сделал несколько физических упражнений, чтобы привести себя в норму, прошелся вокруг стола, пытаюсь восстановить нормальное дыхание. Мой взгляд упал на обер-лейтенанта. Он сидел в кресле, откинувшись назад, и пристально смотрел на меня. Признаюсь, что, погруженный в свои переживания, я на несколько минут совершенно забыл о существовании этого молодчика. Мне казалось, что я один в комнате, тем более что Шнабель сидел неподвижно. И тут молнией пронзила меня мысль, от которой мне снова стало жарко. Зачем он здесь? Почему он так испытующе смотрит на меня? И тут же сознание дает ответ: не потому ли, что он проверяет меня и хочет знать, понял ли я приказ Гюберта, то есть знаю ли я немецкий язык? И мгновенно, почти одновременно, другая мысль: а может быть, все это провокация, но наивная, рассчитанная на слабые нервы?

Мысли несутся вихрем. В самом деле, если меня решили повесить всерьез, потому что не доверяют или имеют улики против меня, мне неизвестные, то зачем же проверять, к чему? Что это может дать, если судьба моя решена? Ровным счетом ничего. Если окажется, что я понимаю язык, то Гюберт получает добавочный сильный довод не доверять мне и, следовательно, покончить со мной. А если проверка покажет, что я действительно не знаю языка, то может ли это обстоятельство смягчить мою участь, послужить поводом для отмены вынесенного приговора?

Мысль работает лихорадочно. Логика говорит, что приказ Гюберта эксперимент, провокация. Чувствую, что появляется лучик надежды. Может быть, не все потеряно. И тут же новая мысль, новый страх: может быть, все было хорошо, а я выдал себя именно сейчас, вот в эти самые минуты? И Гюберт, как притаившийся хищник, ждал именно этих самых минут, этого состояния внутренней растерянности своей жертвы. Стоит ли еще маскироваться, если и так все кончено? Нет, бороться до последней минуты!..

Я снова бросаю взгляд на Шнабеля. Тот по-прежнему смотрит на меня. А может быть, прошло и не так уж много времени, как мне показалось? Надо спасти положение. Я делаю еще несколько упражнений, как бы продолжающих прежние, бодро улыбаюсь, одобрительно киваю обер-лейтенанту, потираю руки, медленно, как бы предвкушая еду, подвигаю к себе тарелку с первым блюдом. Надо показать, что я ничего не понял, что я тот же, что и раньше. Медленно нагибаюсь, чтобы распустить шнурок на ботинке. Говорю обер-лейтенанту: «А ботинки мне все-таки не удалось подобрать как следует».

¹⁰ Есть, господин капитан!

После обеда обер-лейтенант Шнабель провел меня в отведенную комнату и жестами предложил располагаться. Мне все время чудилось, что на лице Шнабеля играет какая-то злобная улыбка.

Наконец я остался один. Первым делом я сдернул с себя галстук. Туго затянутый и непривычный, он наводил на тяжелые мысли: казалось, что уже накинута петля на шее... Затем я осмотрел свое жилище. Это была небольшая комната с двумя глухими стенами и одним оконцем, смотревшим в лес. Столик, кровать, тумбочка с часами старинной конструкции и очень замысловатыми на вид, старый коврик и три стула составляли убранство комнаты.

В моих ушах отчетливо звучали сухие, бесстрастные слова Гюберта: «Повесить его. Сегодня же ночью». Машинально, по профессиональной привычке, я бегло осмотрел все предметы, находившиеся в комнате: хотел убедиться, не спрятаны ли где-нибудь специальные приспособления для подслушивания и наблюдения за мною. Но ничего подозрительного не обнаружил.

Потом я заглянул в оконце. Между двумя рядами проволоки прохаживался часовой. На дворе уже темнело.

«Повесить!..» Это не то, что «проверить» или «понаблюдать». Это не призрак опасности, а уже сама опасность. Более того, это конец.

Конец в самом начале. Но что же мне делать? Как поступить? Я опустился на стул и уставился глазами в пространство. Теперь, когда я остался наедине с собой, я пытался разобраться в своем положении. Казалось, оно безвыходно.

Бежать? Нет, не годится... Выйти из этого логова невозможно.

Мысль о бегстве, по крайней мере сейчас, до возникновения каких-либо иных, более удобных обстоятельств, следовало отбросить.

А таким ли уж в самом деле безнадежным было мое положение? На первый взгляд – да. Но человеческая натура такова, что человек даже на самом краю гибели не хочет отказываться от надежды на спасение, хотя разум не видит для этого никаких оснований.

Я сказал себе: «Подумай, как поступил бы ты сейчас, если бы ничего не произошло, если бы ты не знал языка и не понял сказанного Гюбертом? Ты плохо спал, устал и, наверное, лег бы сейчас же спать. Именно так ты и должен действовать. Настрой себя внутренне на этот лад».

Я походил по комнате, надеясь разрядить нервное напряжение, какого я, кажется, не испытал за всю жизнь. Я заставил себя зевнуть, потянуться, принять вид уставшего человека. Я даже пробурчал себе под нос какой-то мотивчик, хотя он прозвучал довольно неестественно и жалко. Подойдя к кровати, я взбил подушку, не спеша разделся, выключил свет и лег. Я старался делать все так, как делал это обычно: не торопясь, привычными движениями. Но сон был далек от меня. Ведь я все-таки не знал, были ли слова Гюберта подлинным приказом или испытанием.

«Сегодня же ночью». Но ночь велика! Ее с избытком хватит на то, чтобы умереть сто раз.

Я улегся на бок. Перед глазами была бревенчатая стена. Свет от качавшегося снаружи на ветру электрического фонаря метался по стене.

Где-то глубоко-глубоко сверлила мысль: «А если это не провокация, не испытание, то чего же ты лежишь? Почему не действуешь? Вставай! Не жди, пока тебе набросят петлю на шею! Еще есть время спасти себя. Окно без решетки, ты можешь им воспользоваться. Лес ты знаешь, как леший... Вставай! Ты же разведчик! А разведчик всегда должен найти выход из положения. Твое задание сорвалось. Но зря жизнь-то губить глупо и ни к чему».

Но я продолжал лежать. Голос искушения не встречал отзвука.

Какая-то часть моего сознания сопротивлялась ему. Мое внутреннее «я» было словно ареной ожесточенного боя. На одной стороне как будто здравый смысл, на другой – чувство долга, который еще не был исполнен.

Сколько бы раз я ни ходил по заданию в тыл врага, я всегда решал для себя, что должен вести себя так, чтобы после моей гибели родные и товарищи вспоминали мое имя не краснея, чтобы партия была твердо уверена, что я сделал все, что от меня требовалось, или, по крайней мере все, что я мог. А пока я еще не сделал ничего. Ровным счетом ничего.

«Тик-так... тик-так... тик-так...» – монотонно выстукивал маятник, отсчитывая секунды и минуты. Стук часов был единственным звуком в окружавшей меня тишине. Я вслушивался в него, старался забыться, не думать о том, что уже случилось и что еще случится, и опять почему-то на ум мне пришел отобранный вчера утром перочинный нож. Нелепо, но факт. Мне как-то говорил подполковник Фирсанов, что люди, которые особенно часто сталкиваются с опасностью, способны сильно привязываться к мелким вещам. Я не придал тогда никакого значения этому замечанию, а сейчас вспомнил и поймал себя на том, что и сам страдаю этой странной болезнью...

Прошел час, другой, третий... Я лежал с открытыми глазами, ощущая все возрастающую боль в затылке. Мысленно я несколько раз умирал и несколько раз вновь возрождался к жизни. Я понимал, что меня стерегут, что я в западне.

Но вот послышались шаги. Они приближались. Я закрыл глаза и, призвав на помощь всю силу воли, стал легонько похрапывать. Кто-то остановился у дверей моей комнаты. Остановился и, наверное, прислушивается. Пауза затянулась. Наконец в дверь осторожно постучали.

Я не шелохнулся и сильнее захрапел. Стук повторился настойчивее. Я не отозвался. Но вот дверь открылась, кто-то вошел в комнату. Щелкнул выключатель, и загорелся свет. Он ударил в глаза сквозь смеженные веки. Я продолжал лежать.

Вошедший легонько коснулся моего плеча, а когда я и на это не реагировал, резко толкнул меня. Тогда я быстро вскочил, сбросил с себя легкое одеяло, сел, свесив ноги, зажмурил глаза и с непонимающим видом уставился на вошедшего.

Это был обер-лейтенант Эрих Шнабель. Он внимательно смотрел на меня, и теперь в его темных глазах я не подметил и намека на усмешку.

Эрих Шнабель жестами и знаками предложил мне одеться и следовать за ним. Сейчас все решится. Неужели конец?..

Но почему он один? Вешать человека не так-то просто! Хотя там, на месте, наверняка будут люди...

И почему-то именно в этот момент ко мне пришло то спокойствие, в котором я так нуждался и которое не раз выручало меня в трудную минуту. Конечно, я попытаюсь... Попытаюсь в последнюю минуту. Вешать меня будут, наверное, в лесу. И как только мне станут вязать руки, я решусь. Другого выхода нет. Даже если вдогонку мне пошлют пулю, и то лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.